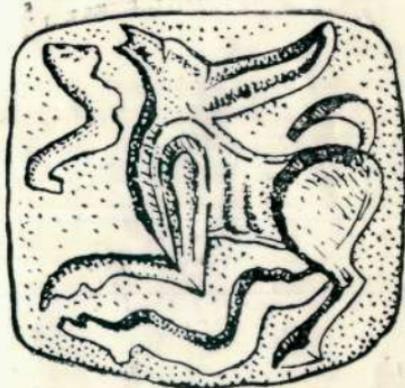

В. М. Масон

ИСТОРИЧЕСКИЕ
РЕКОНСТРУКЦИИ
В АРХЕОЛОГИИ

ФРУНЗЕ 1990

**АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**

В. М. МАССОН

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
РЕКОНСТРУКЦИИ
В АРХЕОЛОГИИ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЛИМ»
Фрунзе 1990**

Массон В. М.

М Исторические реконструкции в археологии / Отв. ред. Мокрынин В. П.; АН КиргССР, Институт истории. — Ф.: Илим, 1990. — 96 с.: илл., табл.
ISBN 5-8355-0493-4

В работе рассматривается вопрос о предмете и объекте археологической науки, обосновывается позиция советских исследователей о тесной связи археологии с комплексом исторических наук, на конкретных примерах даются методологические разработки культурологических и социологических реконструкций, осуществляемых по материалам археологии. В специальном разделе рассматривается вопрос об активизации мировоззренческой и политико-воспитательной функции археологии, о правильной теоретической ориентированности в использовании культурного наследия в практике и идеологической работе в наши дни.

*Утверждено Ученым советом Института истории
и принято РИСО Академии наук Киргизской ССР*

Ответственный редактор канд. историч. наук **В. П. Мокрынин**

Рецензенты: докт. историч. наук, проф. **П. Борисковский**,
докт. филос. наук **В. Н. Боряз**

ВВЕДЕНИЕ

Археология принадлежит к числу дисциплин, стремительно увеличивающих свой информационный банк. Замечательные открытия второй половины XX века обнаружили новые, не известные ранее очаги древних культур и цивилизаций. Благодаря развитию средств массовой информации эти открытия стали широко известными, и археологическая наука приобрела большую популярность, как бы уравновешивая элементами поисковой романтики рассудочный стиль эпохи научно-технической революции.

Вместе с тем прогрессирующая цепная реакция новых открытий имела кардинальное значение и для самой археологии. Огромное увеличение материала усложнило задачи его обобщения, систематизации и интерпретации. Возросшие, не без влияния технических и естественных наук, требования строгого научного анализа заставили по-иному подойти к вопросу о том, как заставить говорить молчаливые камни археологии. Все это резко повысило требования к методической и методологической вооруженности археологической науки.

Советские ученые активно включились в эту деятельность. В нашей стране был проведен ряд совещаний и дискуссий, статьи и даже книги по теоретическим вопросам археологии стали регулярно пополнять печатную продукцию отечественной археологии. Автор этих строк в 1985 г. подготовил для вьетнамских археологов три лекции под общим названием «Вопросы теории советской археологии». В переработанном виде они и явились основой настоящей работы. В значительной мере они базируются на личных разработках автора и обобщают опыт исследовательской деятельности, в первую очередь в сфере социологической и культурологической интерпретации данных археологии. Разумеется, они не носят исчерпывающего характера ни в каком смысле, включая библиографический аспект. Естественно, такое направление предполагало обращение к исходным базовым положениям о природе археологического знания, процедуре обработки информации, содержащейся в археологических памятниках. Издание ориентировано в первую очередь на массовую археологию сегодняшнего дня и, возможно, при такой

ориентации в ряде мест изложение получилось несколько прямолинейным и упрощенным. Однако, стремясь выдержать определенный подход, вытекающий из концепции гуманитарной природы археологической науки, автор пытался внести вклад в общие усилия археологов, стремящихся превратить свою дисциплину в науку внутренне организованную, с выработанной системой понятий и процедур.

Вместе с тем необходимо отметить, что археологические разработки, в том числе методологического характера, отнюдь не являются абстрактными рассуждениями «в башне из слоновой кости». Археология вместе с проблемой культурного наследия входит в плоть и кровь нашей действительности, занимает четкие мировоззренческие позиции, является активным участником народнохозяйственной деятельности и политико-воспитательной работы. Острое идеологическое противоборство, в условиях которого протекала подготовка Всемирного археологического конгресса в Саутгэмптоне, и то огромное внимание, которое на самом конгрессе было уделено памятникам прошлого в формировании современного миропонимания, являются тому наилучшим примером (Массон, 1987). В определенной мере эта тематика нашла отражение и в настоящей работе.

ПРЕДМЕТ И ОБЪЕКТ АРХЕОЛОГИИ И ВОПРОСЫ ПРОЦЕДУРЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В связи с дифференциацией научных знаний и разработкой строгой процедуры исследования важное значение приобретает вопрос определения предмета и объекта конкретных наук. При некотором различии в предлагаемых формулировках объект археологии достаточно ясен: это сами древности (артефакты), материализованное предметное воплощение различных сторон деятельности человеческих обществ прошлого. Количественный показатель не играет большой роли, это могут быть в равной мере и уникальный золотой сосуд, и коллекции фрагментов керамики, и руины целого поселения со сложной внутренней структурой. Более трудна проблема определения объекта археологической науки. Здесь налицо две различные тенденции. Так, сторонники одного направления склонны считать археологию прикладной дисциплиной и аналитической наукой, изучающей объекты материальной культуры, начиная со стадии их раскопок и открытия, делящей их на категории и исследующей отношения между этими категориями. Информацию исторического характера, содержащуюся в этих объектах, при таком подходе должна изучать (по мнению этих исследователей) особая дисциплина, называемая «доисторией». Эта позиция наиболее полное воплощение нашла в книге американского автора И. Рауза, определяющего доистирию как синтетическую дисциплину, занимающуюся на основе археологических материалов с привлечением данных других наук реконструкцией дописьменной эпохи (Rouse, 1972). С нашей точки зрения, при таком подходе происходит искусственный разрыв различных уровней процедуры исследования объекта археологии (Массон, 1973). Более обоснованно считать, что реконструктивные разработки историко-культурного или историко-социологического характера полностью относятся к сфере самой археологической науки. Практика показывает, что, несмотря на предлагаемые логические разра-

ботки и сложные процедуры, ни в СССР, ни за рубежом «доистория» так и не обособилась от археологии ни организационно, ни по профессиональному составу исследователей. Мы считаем более правильной противоположную тенденцию и предмет археологии определяем как изучение закономерностей развития объектов культуры (в их предметно-продуктивном проявлении) и различных структур древних обществ (культурных, хозяйственных, социальных, идеологических), нашедших отражение в этих объектах.

Такой подход к определению предмета археологической науки присущ именно советской археологии (Рыбаков, 1978). Она, начиная с ранних этапов, формировалась как принципиально новое направление мировой археологии, которое последовательно, в теоретических предпосылках и методических разработках, рассматривало археологию как неотъемлимую часть исторических наук, базирующихся на принципах исторического материализма.

Вопросы применения марксистской методологии в археологии были поставлены в конце 20-х годов группой молодых ученых Московского государственного университета, а с 1929 г. активно разрабатывались в ведущем тогда археологическом учреждении страны — Государственной академии истории материальной культуры в Ленинграде. Ленинградские археологи большое внимание уделяли острой критике буржуазной археологии, постановке вопросов формирования теоретических основ советской археологии с широким привлечением разработок философской науки. Становление это происходило в условиях бурных дискуссий, взаимных обвинений, не всегда справедливых и обоснованных (Массон, 1980; Генинг, 1982; Пряхин, 1986).

Эти исходные теоретические позиции советской археологии конца 20-х — начала 30-х годов в кратком изложении можно свести к трем положениям (Массон, 1969). Во-первых, археология стала трактоваться как историческая наука, а не раздел естественных наук или искусствознания. В качестве реакции на чистое вещеведение появился сам термин «история материальной культуры». В связи с этим становились задачи изучения массового материала, а не только предметов роскоши, исследования функций вещей, а не только их типологических рядов. Вторым отправным положением

стал тезис о закономерном поступательном характере исторического процесса. Но это движение не приравнивалось к примитивному эволюционизму, постоянно подчеркивалась его внутренняя сложность с выделением качественно отличных этапов. Признание причинной и закономерной связи культуры с базисом, общественного строя — с производительными силами открывало широкие возможности для реконструктивных построений на материалах археологии. Третье исходное теоретическое положение было связано с признанием производительных сил и производственных отношений движущими силами исторического процесса. Это проявлялось в уделении особого внимания экономике и общественным отношениям, в изучении истории техники, особенно орудий труда, истории хозяйства, в постановке комплексных раскопок поселений как памятников, содержащих информацию о социальных и хозяйственных структурах древних обществ, и могильников как отражения древних общественных систем.

Наряду с этими принципиально важными разработками были допущены перегибы и передержки, особенно заметно сказавшиеся к середине 30-х годов. В это время произошло усиление своего рода социологического абстракционизма в ущерб исследованию конкретных археологических материалов. С изменением этого положения, затронувшего тогда многие гуманитарные дисциплины, теоретические разработки стали в большей мере осуществляться с привлечением конкретных материалов. Для их обработки с 60-х годов стали использоваться статистико-комбинаторные методы, особое внимание уделялось вопросам археологического источниковедения и процедуре исследования. В прошедших дискуссиях об археологических культурах нашло отражение и стремление решить все вопросы средствами формализованных процедур.

Традиционная тематика социологических реконструкций получила дальнейшее развитие в ряде специальных симпозиумов, проведенных в Ленинграде в 70-х годах (Домашние промыслы..., 1970; Древний город..., 1973; Реконструкция..., 1974; Древние города, 1977). В Москве Ю. Н. Захаруком осуществлялись разработки философских аспектов археологии (Захарук, 1981), сложился центр методологических исследований в Киеве (Новые методы..., 1982; Теория и мето-

ды..., 1982), работы в области теории разворачиваются в других столицах союзных республик, а также в Свердловске (Викторова, 1975), Новосибирске (Методологические..., 1983). С конца 70-х годов в СССР особое внимание уделяется культурологическим разработкам, им были посвящены специальные симпозиумы, проведенные в Ленинграде и Ереване (Традиции и инновации..., 1981; Культурный прогресс..., 1982).

При всем разнообразии конкретных направлений, связанных со специализацией внутри археологической науки, для всей советской археологии объединяющим началом теоретических изысканий являются методологические принципы марксистско-ленинской философии. Разработанные в применении к археологии в виде исходных базисных положений еще в конце 20-х — начале 30-х годов, они развиваются и совершенствуются с учетом специфики археологической области знания и в условиях современного этапа развития марксистской философии. Использование методологических принципов исторического и диалектического материализма имеет первостепенное значение для изучения истории древних обществ, многие из которых известны нам только по данным археологии. Массовость археологических материалов позволяет изучать эти древние общества уже на уровне конкретно-исторического подхода в отличие от ситуации начала 30-х годов, когда имела место тенденция к постепенному поиску одних лишь общих закономерностей. Подход к мировому процессу как к сложному феномену, диалектическому единству общего и особенного является общим для всех подразделений современной советской исторической науки.

Выход археологии на широкие исторические и культурологические обобщения возможен лишь для определенной стадии исследования и интерпретации археологических материалов. Большая работа, проделанная исследователями по анализу самой природы археологического источника и его информационных возможностей, позволяет говорить о том, что процедура научного исследования в археологии — это сложная многоуровневая система. Единство различных уровней определяется не только восхождением от низшего к высшему, но также и постоянным действием прямых и обратных связей. Специфика археологических объек-

тов заключается в том, что в отличие от письменных источников они не создавались специально, как средства хранения и передачи информации, а были лишь результатом, условием или спутником некоторых древних процессов и явлений. С позиций исторического познания археологические источники как бы закодированы в форме вещественных объектов. Забвение этой специфики ведет к кризисной ситуации в археологии, когда археологические материалы пытаются привлечь для получения информации, которая в них изначально не содержалась. Это подрывает саму идею результативного использования данных археологии для исторических реконструкций. Например, остатки поселения, как правило, не сохраняют информацию о материнском или отцовском счете родства, хотя содержат много ценных данных о размерах и характере жизнедеятельности обитавшего здесь в древности человеческого коллектива и его структурных единиц. Всякие попытки решить вопрос о патриархате и матриархате на основании одних раскопок палеолитических стоябищ заранее обречены на провал.

В самом общем плане процесс научного познания представляет собой трехчленную цепочку: опыт (эксперимент) → описание → объяснение. При этом налицо тесная внутренняя связь всех этапов научного познания. Описание заключает в себе фиксацию результатов опыта с помощью выработанных в данной науке систем обозначения и тем самым выражение результатов опыта в понятиях науки. Таким образом, в описании присутствуют три компонента: данные опыта, система обозначений, понятия науки. Описание как бы переводит информацию, полученную в ходе опыта, на язык науки и представляет собой предварительный этап на пути от эмпирического уровня к теоретическому. Описание осуществляется не само по себе и не само для себя (пресловутое «чистое описание»), а для последующего объяснения. Теоретические моменты вводятся уже на уровне описания при использовании специфического языка данной науки. Без этого описание не представляет собой этапа исследования и вообще не является, строго говоря, научным описанием.

Под объяснением в логике научного исследования понимается раскрытие связей между явлениями действительности (объект объяснения) и другими явления-

ми, уже известными и объясненными или более общими и фундаментальными. В результате устанавливается место объекта описания в некоей системе взаимосвязей и закономерностей. Объяснение тесно связано с уточнением смысла содержания понятий, и на этом этапе особенно важно иметь отработанную понятийную сетку данной науки. В логике объяснение обычно представляет собой дедукцию (выведение), осуществляемую на основе каких-либо установленных и доказанных положений. В археологии объяснение наблюдаемых явлений или эмпирически устанавливаемых закономерностей обычно выводит на понятия и положения других наук — истории, этнографии и культурологии, подобно тому, как история заимствует ряд понятий и категорий у таких теоретических наук, как исторический материализм и политэкономия.

В последнее время в советской и особенно в западной археологической литературе широко используется понятие «реконструкция». Это понятие, давно употребляемое в лингвистике, означает в этой науке восстановление гипотетического архетипа. В археологии реконструктивные построения связаны с восстановлением неких событий прошлого, их свойств, отношений и связей. Следует иметь в виду вероятностный характер подобных построений, поскольку в общественной жизни, с определенными формопроявлениями которой имеет дело археология, преобладают законы-тенденции. В обиходе археологии ученые часто склонны пользоваться термином «гипотеза», хотя высказываемые ими соображения, строго говоря, с позиций логики научного исследования, носят характер не гипотез, а так называемых произвольных догадок, которые, правда, при определенных обстоятельствах и разработках, могут перерасти в гипотезы. Гипотезой обычно называется предположительное объяснение непосредственно наблюдаемых форм связи явлений (описательные гипотезы) или причин, объясняющих эти явления (объяснительные гипотезы). Гипотеза в отличие от произвольной догадки должна отвечать целому ряду требований. Так, она должна стремиться объяснять весь круг явлений, для анализа которых она выдвигается, по возможности не противореча ранее установленным фактам и научным положениям. Важными особенностями гипотезы является ее принципиальная проверяемость, приложи-

мость к возможно более широкому кругу явлений и максимальная простота.

Весьма существенен для проверки выдвинутых положений принцип верификации, когда данное положение проверяется на материалах, не вошедших в основание гипотезы. Например, на юге Средней Азии при установлении факта появления в позднем энеолите коллективных усыпальниц было высказано предположение о связи этого явления с усилением роли в обществе большесемейной общины, гробницами которых можно считать эти коллективные захоронения. Это было предположение, выдвинутое на основании изучения одного только погребального обряда. Вместе с тем раскопки жилых строений показали, что именно в позднем энеолите формируется тип крупных домов с несколькими планировочными ячейками, рассчитанными на малые семьи, но с общей кухней, хозяйственным двором и хранилищами. Наилучшим объяснением этого типа строений было заключение, что перед нами место обитания большесемейной общины, ведущей общее хозяйство, которая именно в период позднего энеолита приобретает особенно важное значение. Так данные могильника и поселений взаимно дополняются и проверяются.

На стадии объяснения в археологии в последние годы все чаще используется системный подход. Сама возможность применения его в археологии на уровне объяснения связана с тем, что многие исследуемые объекты и явления восходят к древним структурам и явлениям, имевшим системный характер. Вместе с тем нельзя забывать, что в археологии, как и во многих других областях гуманитарного знания, системный подход является в первую очередь орудием определенной организации материала, направленной на постановку и решение проблем, связанных с выявлением закономерностей функционирования и развития субъекта.

Особенно существенны для археологии такие составные системного подхода, как понятия целостности и иерархичности. При этом целостность объекта означает принципиальную несводимость его свойств к простой сумме свойств составляющих его элементов. Иерархичность подразумевает, что каждый компонент, составляющий систему, может рассматриваться как своего рода подсистема, тогда как система является

лишь компонентом более высокой структуры — макро-системы. Это хорошо иллюстрируется на примере изучения поселений, особенности которых отнюдь не сводятся к сумме свойств, присущих составляющим его жилым строениям. Само поселение в свою очередь входит, через пространственные связи, в более крупную структуру — в группу поселений, или оазис. Использование иерархически упорядоченной терминологии на основе системного подхода, безусловно, является определенным шагом в совершенствовании археологических исследований, но оно отнюдь не означает автоматически наличия системного анализа, обеспечиваемого целым рядом формализованных математических процедур. Как не без основания отметил Ж. К. Гарден, «формулирование систем и моделей в археологии — это зачастую не более чем риторическое переложение уже встречавшихся ранее интерпретационных высказываний, только в формах, менее системных» (Гарден, 1983, с. 166).

Все эти методы и подходы должны быть разумно использованы на разных уровнях процедуры исследования археологических объектов. Таких вариантов процедур предлагалось довольно много, нередко они носят чрезмерно усложненный характер, вступающий в явное противоречие с реально имеющимся материалом. При однолинейном построении уровней процедур предлагалось их значительное число — вплоть до семи, и теоретически это количество может быть неограниченно увеличено. Важным аспектом является введение системы прямых и обратных связей между уровнями, что было особенно подчеркнуто английским археологом Д. Кларком. Его книга «Аналитическая археология» (Clarke, 1968) явилась весьма примечательной попыткой уточнения археологической методологии, хотя на предложенных в ней исторических реконструктивных построениях отрицательно сказалась узость, свойственная структурному подходу. В целом нет сомнений в том, что процедура должна носить циклический и вместе с тем динамичный характер при тесной взаимосвязи и взаимодействии различных циклов или ступеней исследования.

Необходимо дифференцировать различные виды объяснений данных археологии, требующие каждый особого подхода и соответственно методических прие-

мов обработки и анализа материалов. Это в самом общем изложении — археологическая интерпретация, социологическая интерпретация и культурологическая интерпретация. В зависимости от направленности объяснительной стратегии строится и вся совокупность соответствующих процедур. Рассмотрим последовательно разные виды этих объяснений.

Археологическая интерпретация, как важное научно-исследовательское направление, полностью находится в рамках археологической науки. Она связана в первую очередь с выяснением положения нового объекта (или группы объектов), выявленного на уровне эксперимента (раскопок, разведок) в ряду уже известных археологических комплексов. В целом это большой раздел археологической систематики, организующий массовый материал в блоки для последующего анализа. Основные задачи здесь две. Это прежде всего выяснение положения вновь открытых объектов во времени в ряду ранее известных комплексов и культур. Определение положения во времени осуществляется при помощи ряда методик и процедур, начиная со стратиграфии. Широко применяется основной для археологии типологический метод, но само его использование в данном случае, начиная с выделения признаков и типов на уровне описания, осуществляется применительно к поставленным задачам. Здесь ярко проявляется взаимодействие прямых и обратных связей. В зависимости от задачи, а в данном случае это вопросы хронологии, осуществляется подборка признаков, могущих максимально способствовать разработке именно этих вопросов. Иными словами, описание ведется с ориентацией на последующее объяснение. При этом важным предварительным этапом является критика источника, выяснение его познавательных возможностей. По существу частным случаем применения типологического подхода в хронологических разработках является метод сериации, когда сопоставляются устойчивые процентные соотношения различных типов изделий в том или ином комплексе. При этом имеется в виду, что общие закономерности культурогенеза ведут к повторяемости в одновременно существующих наборах этих соотношений.

Аналогичным образом решается и вторая задача — положение исследуемых объектов в системе ранее известных комплексов. Здесь ведущая роль также при-

надлежит типологическому методу (на нём мы подробнее остановимся ниже). При типологии и классификации в данном случае особое значение имеют морфологические признаки. Подчеркнем, что в соответствии с иными целями и задачами группировка и характеристика материала уже на уровне описания может быть существенно иной, чем при решении вопросов хронологии. Постановка задачи исследования может оказать влияние уже на стадии раскопок (опыт), поскольку главной целью при разработке этого блока хронологической интерпретации является получение представительной выборки. В равной мере присутствует уровень оценки информационных возможностей источников в зависимости от поставленной задачи, которой является выяснение связей с уже известными археологическими культурами и их подразделениями. Подобная источниковедческая обработка материалов представляет собой важнейшую составную часть исследования в археологии, охватывая все три этапа процедуры — опыт, описание и объяснение. В свою очередь эта археологическая интерпретация образует обязательный предварительный этап для последующей социологической или культурологической интерпретации. Только материалы, прошедшие обработку на уровне хронологии и археологической систематики, могут быть полноценно использованы в последующем анализе в этих видах объяснения. Существуют и более сложные системы источниковедческой обработки данных археологии (Клейн, 1978).

Таким образом, исходной базой социологических и культурологических объяснений является археологический источник, уже прошедший этап археологической интерпретации. Это обязательное предварительное условие всех последующих операций. Двумя важнейшими элементами логической процедуры для этих видов интерпретации являются постановка задачи и внутренняя критика источника, определяющая объем и характер содержащейся в источнике информации. Формулировка задачи существенно воздействует и на раскопки памятника. Так, при постановке, как одной из важных целей, вопросов изучения общественных структур совершенно необходимы раскопки на поселении группы жилищ, одновременно существующих в течение определенного отрезка времени, а могильника — целиком или его существенной части. Классификация и типология

и здесь составляют надежный инструмент археологического анализа, но принципы набора признаков и выделения типов могут быть существенно иными, чем при выяснении места объекта в ряду других археологических комплексов. В зависимости от постановки задач социологической интерпретации (изучение общественных структур древних обществ или функционировавших некогда хозяйственных систем) типология и классификация могут строиться на различных основаниях, когда особое значение придается совершенно определенным наборам признаков (функциям орудий, размерам жилищ и т. п.). Как справедливо отмечает Ж. К. Гарден, уже в самом характере построения типологии заложена потенциальная необходимость в объяснении (Гарден, 1983, с. 151). Учет специфики исследовательской процедуры в зависимости от поставленной задачи и оценка информативности имеющегося материала составляют основное условие при всех видах объяснения.

Для археологии характерно широкое использование методов естественных и технических наук. Оно определяется прежде всего тем обстоятельством, что объектом науки прежде всего являются материальные предметы, анализ химических, физических и иных свойств которых позволяет получить дополнительную информацию. В первую очередь это данные о технологии и способах их изготовления, а также об источниках, а частично и способах получения сырья. В перспективе археология, в научно-организационном и кадровом отношении, несомненно, будет развиваться не только как гуманитарная, но и как технологическая область знания со специальными методами и лабораториями. Со второй половины XX века эта тенденция проявляется особенно отчетливо (Колчин, 1970). Использование методов естественных наук в археологии начинается уже на уровне опыта или эксперимента, когда в ходе раскопок не только выявляются группы артефактов, но и изучаются связи между ними, а также с окружающей средой (слоем).

Все более увеличивается число методов, позволяющих получать дополнительную информацию при изучении культурного слоя, в котором помимо наличия материальных предметов древних культур нашли также различное отражение древние способы жизнедея-

тельности обитавшего здесь коллектива, как и признаки, позволяющие восстановить древнюю среду обитания. Весьма перспективно использование методов технических наук на уровне описания артефактов как материальных объектов (физические, химические, петрографические и другие анализы). Было предложено остатки неантропогенного характера, обнаруженные в культурном слое, именовать в отличие от артефактов экофактами. Применение методов естественных наук и получаемых таким образом данных на реконструктивном уровне особенно важно при изучении древних производств и хозяйственных систем.

В археологии наряду с использованием разработок технических наук были выработаны и собственные специфические методы для изучения объекта исследования. К числу таких методов принадлежит трассологический анализ, созданный советским исследователем С. А. Семеновым, получивший широкое распространение и признание (Семенов, 1958). Он основан на изучении под большим увеличением следов микроизноса на древних орудиях труда, а также на объектах, подвергавшихся воздействию этих орудий. Создаваемые экспериментальным путем орудия для соответствующей производственной деятельности (обработка кож, дерева, уборка урожая и т. п.) исследуются под микроскопом и возникающие следы износа сопоставляются с картиной, наблюдаемой на древних орудиях. Подобная верификация позволяет с большой точностью установить назначение орудий труда, функции которых до внедрения этой методики определялись предположительно на основании этнографических, иконографических и других моделей (Коробкова, 1979).

Важным видом объяснения в археологии являются исторические реконструкции, направленные на восстановление древних процессов и даже отдельных событий. Настоятельная необходимость подобного рода разработок диктуется уже тем обстоятельством, что изучение конкретной древней истории дописьменной эпохи возможно только на основании данных археологии. Этнография, изучающая общества архаического состояния, позволяет восстанавливать некоторые тенденции общественного развития, но в конкретно-историческом плане может характеризовать лишь народы и племена не ранее XVI—XVIII вв.

В связи с археологической систематикой необходимо остановиться еще на одном вопросе. Общество аборигенов Австралии и создателей пещерной живописи верхнепалеолитической Европы, при технологической близости некоторых приемов обработки каменных орудий,— это принципиально разные явления. В Австралии мы имеем дело с крайне замедленным развитием в условиях географической изоляции, тогда как кроманьонцы Европы были первопроходцами культурного и интеллектуального прогресса, открывавшего перед всем человечеством колоссальные перспективы. Даже с появлением первых письменных источников роль археологии и археологических данных остается весьма значительной, учитывая как фрагментарность и выборочность дошедших до нас древних письменных памятников, так и одностороннюю ориентацию их по содержанию. Уровень развития производительных сил и прежде всего основных производителей, характер хозяйственной деятельности древних обществ могут быть изучены только по материалам археологии и с помощью археолога.

Важное место в понятийном аппарате археологии занимает понятие археологической культуры. Неудивительно, что археологической культуре и всему кругу связанных с ней вопросов посвящена достаточно обширная литература (Каменецкий, 1970). Практически это понятие является базовым при организации археологического материала.

Культура является фундаментальным понятием археологической науки на уровне археологической интерпретации, когда происходит систематизация и организация полученных материалов. Поэтому определение археологической культуры должно исходить в первую очередь и прежде всего из материалов археологии. С этих позиций под археологической культурой следует понимать реально существующую устойчивую совокупность связанных между собой объектов материальной культуры, спределенным образом ограниченную во времени и пространстве. Выяснение сущностных причин появления и сохранения этой реально существующей общности лежит уже за пределами данного блока исследования и связано с вопросами культурологической и исторической интерпретации. На этом уровне культура как археологическое понятие, будет истолко-

вываться с привлечением термина «культура», используемого уже как категория иного плана и содержания. Поэтому едва ли допустимо введение термина «этнос» в само определение археологической культуры, хотя именно этнические различия во многих случаях и будут причиной существования культурных различий, улавливаемых археологией в устойчивом наборе типов вещей.

В целом этническая нагрузка устойчивых компонентов культуры весьма различна (Бромлей, 1973, 1983). Обычно выделяют три подсистемы культуры, связанные с этническими проявлениями: обыденное сознание, обиходный язык и традиционно-бытовую культуру. Наиболее чутким диагностическим реагентом является именно язык. Совершенно ясно, что археологические материалы в связи с проблемами этнической атрибуции могут использоваться преимущественно в той мере, когда отраженная в них традиционно-бытовая культура (с ее такими характерными чертами, как массовость, индивидуальность, устойчивость) может быть истолкована именно как проявление этнических признаков и свойств.

На источниковедческом уровне исследования археологи могут говорить в первую очередь лишь о культурной общности, которую отнюдь не следует подменять понятием «этно-культурная общность». Выделенные на основе археологического анализа культуры могут иметь разное историческое содержание и соответствовать и целым цивилизациям (Хараппа), и крупным историко-этнографическим общностям (Андрон, Кельтеминар), и небольшим племенным группам.

В таксономической системе при археологическом исследовании культура представляет собой понятие, следующее за типом и признаком. Признак, тип и культура образуют систему археологических понятий вертикальной иерархии. Подобно тому как тип представляет собой устойчивое сочетание признаков, устойчивое сочетание типов дает археологическую культуру. Определению и содержательному анализу этих основных понятий археологии посвящена обширная литература, где подчас высказываются противоречивые, а порой и взаимоисключающие суждения. Среди советских авторов наиболее последовательные взгляды развиваются В. С. Бочкаревым (1975). Исходным и базовым в

предлагаемой им системе понятий является артефакт, под которым подразумеваются материальные объекты, изготовленные или модифицированные человеком и выполняющие определенную культурную функцию. Они могут быть представлены и единично, и в комплексах, которые нередко образуют собой функциональное целое, как, например, клады или комплексы, происходящие из поселений. Артефакты обладают свойствами как природными (выявляемыми физико-химическими и другими анализами), так и привнесенными человеком. Как подчеркивает В. С. Бочкарев, триада (свойство — артефакт — комплекс) представляет собой археологическую реальность, своего рода эмпирический базис археологии. С этой триадой сопоставляются и такие понятия археологической науки, как признак, тип и культура, и иерархические подразделения последней. Во всяком случае, нет никаких сомнений в том, что за этими понятиями стоит реальная объективная действительность.

Выделение археологических культур представляет собой сложную процедуру ряда последовательных операций, в основе которых лежит прежде всего выделение археологических типов различных категорий — от орудий труда и оружия до типов погребального обряда и поселений — в той мере, в какой они фиксируются по данным археологии. Одной из важнейших стадий подобных операций является определение признаков, позволяющих сгруппировать артефакты в археологические типы. Под признаком понимается любое свойство предмета или явления, которое может быть выделено или записано. Теоретически число признаков бесконечно. Учитывая жесткую взаимосвязь описания и объяснения, подбор признаков, как решающего звена, влияющего на типологию, необходимо осуществлять с учетом целей и задач объяснительного уровня. При задачах, входящих в социологический блок и связанных, например, с изучением древних хозяйственных систем, большее значение будут иметь технологические или функциональные признаки, при изучении процессов культурогенеза — морфологические. Значение последних для археологии вообще исключительно велико.

Изменчивость, вариабельность артефактов и их свойств, поиски различий и сходств составляют фактически основное содержание процедурных операций в

археологии, стремящихся уловить порядок этих изменений, их регулярность и повторяемость. При выделении типов, как устойчивого сочетания признаков, особенно важно найти естественные границы последних, для чего выработан и успешно применяется целый ряд формализованных процедур. Так, широко распространена корреляция, направленная на установление границы одного признака с помощью другого и нахождение устойчивой группировки признаков, выявляющей археологический тип (Каменецкий, Маршак, Шер, 1975).

Признаки могут иметь разное значение, быть более или менее существенными и в связи с этим, если материалы это позволяют, вводится их оценка или определение веса признаков. Сложности, с которыми в конечном итоге столкнулась дескриптивная археология, частично были связаны со стремлением учесть все признаки, тогда как их число практически неисчерпаемо, а бескрайние наборы создают громоздкие системы, работа с которыми оказывается весьма затрудненной. Поэтому, как указывает в своей последней книге Ж. К. Гарден, ранее активный поборник дескриптивного максимализма, можно работать с ограниченным списком свойств или признаков, если они должным образом организованы (Гарден, 1983).

Сходные приемы формализованных процедур способствуют созданию надежных классификационных систем археологического материала. Эти системы, как правило, имеют иерархический характер с соподчиненным положением категорий, отделов, типов, подтипов, вариантов и других подразделений. Большинство археологических классификаций носит морфологический характер. Здесь, пожалуй, наибольших успехов достигла соответствующая обработка каменных орудий, начатая в широких масштабах с использованием формализованных приемов Ф. Бордом (Bordes, 1961).

Процессуально много общего имеет и процедура выделения археологических общностей высшего порядка — археологических культур. Здесь также широко применяется корреляция — важен учет «веса типа», установление набора типов, имеющих структурообразующий характер.

Наряду с вертикальной цепочкой основных понятий археологической науки — признак — тип — куль-

тура — в последнем звене может быть выделен целый ряд подразделений, идущих как бы по горизонтали. В. С. Бочкарев предложил отличать культуру как устойчивое сочетание типов, устанавливаемое на основании различных видов источников (орудия труда, керамика, украшения и т. п.), от соединения (компаунда, фракции), основанного на сочетании одного вида источников (Бочкарев, 1973). К числу таких соединений относятся понятия «каменная индустрия», «металлургический очаг», «керамический стиль (waге)». Для до-неолитической эпохи археологам известны главным образом «кремневые индустрии» и поэтому здесь процедура выделения компаунда и культуры зачастую совпадает.

Для горизонтальной иерархии в ряду категории «археологическая культура» удобной и работающей является трехчленная система: локальный вариант — культура — культурная общность. Последнюю, правда, в силу отмеченного выше смещения понятийных уровней часто неточно именуют «этно-культурной» или «историко-культурной». Предложены количественные характеристики для распределения археологических памятников по этим подразделениям. Так, Д. Кларк (Clarke, 1968) предлагал выделять культурную группу с низким уровнем сходства (5—30%), культуру со средним уровнем сходства (30—65%) и субкультуру с высоким уровнем сходства (65—95%). По мнению Д. Кларка, низший уровень может соответствовать вещественным памятникам, оставленным, например, мелким индейским племенем, а высший — технокомплексу, т. е. понятию, которое практически близко культурно-хозяйственному типу советской этнографии.

Автором настоящих строк были предложены следующие показатели по совпадению сочетаемости типов: для локального варианта — 100—50%, для культуры — 50—30%, для культурной общности — 30—20% (Массон, 1976). Например, для анализа группировки памятников джейтунского неолита (Южный Туркменистан, VI тыс. до н. э.) могут быть использованы типы домов, кремневых орудий, расписной керамики. При таком наборе сопоставление памятников оказалось возможным провести по 20 типам, что позволяет оценивать при сопоставительных операциях каждый тип в 5%. Имеющиеся материалы дают возможность так-

же произвести и оценку «веса типов». Так, к часто встречающимся в пределах категории типам (компаунда) отнесены типы, имеющие показатель в 15—60%, а к редко встречающимся — с соответствующим показателем менее 15%. Такой дифференцированный подход позволил понизить оценку редко встречающихся типов до 2,5%. Табличное сопоставление показало, что верхние горизонты двух джейтунских памятников обнаруживают сходство в 70%, что дает основание объединять их в низшую таксономическую единицу — локальный вариант джейтунской культуры. При наличии более детальной и формализованной классификации соответствующие оценки можно производить еще более эффективно. Весьма важно накопление материалов, позволяющих определить количественно значимые границы сходства и расхождения в наборах типов. Изучение кремневых индустрий среднеазиатского неолита показывает, что в пределах однокультурных памятников совпадение набора типов форм достигает 70% (Коробкова, 1975).

Морфологические классификации и операции по выделению на материалах археологии устойчивых комплексов или культур носят объективный характер, восходят к особенностям процесса культурогенеза, протекавшего в древних обществах. С позиций культурологии археологические материалы представляют собой выборку, иногда называемую «музейной выборкой», некогда реально существовавшей культуры общества первобытной или раннеклассовой эпохи, взятой в ее предметно-продуктивном аспекте. Соответственно в археологических материалах в той или иной форме проявляются общие закономерности, присущие такому феномену, как культура. С этих позиций совершенно ясно, что фундаментальное понятие археологии «тип» стньюдь не представляет собой абстрактную комбинацию, созданную исследователем, пользующимся теми или иными видами процедур или, что весьма часто бывает, выделяющим эту категорию на интуитивном уровне. Археологический тип является выражением в материальном воплощении такой важнейшей особенности культурного процесса, как стереотипизация, благодаря которой происходит приобщение членов общества к достигнутым результатам. Стереотипы норм поведения, идеологических представлений, процессов трудо-

вой деятельности находят воплощение в устойчивых типах различных предметов, с которыми, в музейной выборке, и имеет дело археология. Формы стереотипизации, начинавшиеся с простого подражания, в процессе эволюции усложняются. По мере развития производства возникает такая форма стереотипизации, как стандартизация, обеспечиваемая особой сферой производства, занятой выпуском стандартных объектов. Ранние этапы стандартизации можно проследить в глубокой древности. В керамическом производстве они становятся особенно заметными с внедрением гончарного круга. Стандартные типы сосудов массового изготовления широко используются археологами для различного рода исследовательских операций. Сходные явления происходят и в металлообработке с внедрением техники литья по типовым моделям, особенно в условиях повышенного спроса на определенные изделия, например оружие или украшения. Именно процесс стереотипизации археологи наблюдают в материальном воплощении артефактов, а сама возможность археологической типологии объективно заложена в стереотипичности культуры, ее «эталонном» характере.

Таким образом, группировка и организация археологических материалов, объединяемых в комплексы, культуры и другие подразделения археологической систематики, зиждется на реальных, объективно существующих основаниях.

Связь предмета археологической науки с миром культуры на первый взгляд лежит на поверхности явлений, что, в частности, нашло отражение в распространении в СССР в 20-е годы термина «история материальной культуры», заменившего «археологию» в названии головного археологического учреждения страны. Однако дальнейшая разработка этого круга вопросов показала, что подобная связь является многомерной, а порой и весьма опосредованной, особенно в свете усилившегося в последние годы внимания к теоретическим проблемам культурологии (Массон, 1987 а).

Как известно, многие фундаментальные понятия науки носят сложный полифункциональный характер, выполняя в теоретическом плане целый ряд познавательных функций. Многие коллизии, возникающие в практике археологических разработок, особенно на интерпретационном уровне, в частности при употреблении термина «археологическая культура», связаны именно со смещением акцентов, когда на термин, однозначный на уровне омонимов, подсознательно переносится нагрузка разных уровней исследования, да по существу и разных наук, где этот термин имеет различное содержание и передает явления, отличные по объему и содержанию. Выше уже говорилось о месте понятия «археологическая культура» в археологической систематике в его специфическом для данной науки значении, имея в виду организацию массовых материалов в устойчивые комплексы как основу для последующих интерпретационных или реконструктивных операций. В данном разделе мы остановимся на культурологических реконструкциях на материалах археологии, ориентируясь уже на иное содержание этого понятия как базового для культурологии, все более обособливающейся в особое научное направление и даже в отдельную науку.

Разработки советских культурологов существенно продвинули проблему определения понятия «культура», хотя и наблюдается тенденция к ее безгранично

расширенному толкованию, как бы подменяющему понятие «общество». Феномен культуры рассматривается в первую очередь как система регулятивов человеческой деятельности, существующих в формах внешней (объективированной) и внутренней (субъективной) предметности. В. Е. Давидович и Ю. А. Жданов справедливо подчеркивают, что именно через категорию человеческой предметной деятельности понятие «культура» как социально-философская категория может быть введено в общий строй категорий марксистско-ленинской философии (Давидович, Жданов, 1979, с. 28). Эти исследователи считают возможным выделить три морфологических среза, или слоя, культуры: материальную культуру, на первом плане здесь преобразовательная, практически предметная деятельность; духовную культуру с ее механизмами действия и получаемыми результатами и, наконец, как особый морфологический слой — художественную культуру (Давидович, Жданов, 1979, с. 194—206). Н. С. Злобин предпочитает говорить о материальных и духовных формах предметного бытия культуры (Злобин, 1980, с. 46—56). Серьезное внимание различным аспектам культуры как глобального явления всемирной истории уделяет один из активных советских культурологов Э. С. Маркарян (Маркарян, 1983). По его мнению, понятие «общество» выражает строение, а «культура» — способ деятельности коллективного субъекта действия — социальной системы (Маркарян, 1983, с. 64). Возможно, это излишнее увлечение уровнем положением культуры, поскольку социальная система и есть общество, для которого при таком подходе культура — способ деятельности. В одной из последних работ Э. С. Маркарян справедливо подчеркивает, что именно благодаря культуре человеческая деятельность обладает универсальными по своим потенциям преобразовательными возможностями. При этом отмечается, что «в ходе адаптации человека к окружающей среде приспособительный эффект достигается средствами социокультурной перестройки человеческих индивидов путем универсального преобразования внешней и внутренней сред их обитания» (Маркарян, 1981, с. 146). На этой важнейшей стороне культуры, выводящей нас на системы жизнеобеспечения, мы еще остановимся далее.

Наряду с этим исследователи отмечают, что культура обладает относительной самостоятельностью, и ее этапы отнюдь не повторяют буквально этапы социально-экономического развития (Давидович, Жданов, 1979, с. 235). Наиболее наглядно это прослеживается при тенденции к сохранению жесткой системы ценностей, регулируемой обычаями и традициями. Важное значение имеют культурологические разработки С. А. Арутюнова, осуществленные на основе этнографических и других материалов (Арутюнов, 1979, 1985).

Не вдаваясь в детали осуществляемых разработок, нельзя не признать, что понятие культуры является важнейшей категорией исторического материализма (Меженцев, 1977, с. 13). Для изучения всемирно-исторического процесса важно наличие эпохальных срезов, или типов, культуры — культуры первобытной эпохи, эпохи рабовладельческих обществ и т. д. Вместе с тем многообразие конкретного исторического процесса находит отражение и выражение в локальных культурах, в том числе в локальных способах адаптации исторических общностей людей к тем или иным средам обитания (Маркарян, 1981, с. 15). Это особенно ярко проявляется в первобытную эпоху с ее ограниченным производственным потенциалом и соответственно разнообразием культурно-хозяйственных типов.

В аспекте подобных разработок археологические материалы занимают совершенно определенное место. Они представляют собой выборку некогда реально существовавшей культуры (в культурологическом понимании этого термина) общества первобытной или раннеклассовой эпох в ее предметно-продуктивном аспекте. Этот непреложный факт заставляет обратить особое внимание на культурологические разработки, поскольку именно они позволяют в значительной мере определить и информационные возможности данных археологии, особенно при исторических и социологических реконструкциях.

Выявление на материалах археологии самого факта наличия устойчивого комплекса, могущего быть определенным как культура именно в культурологическом аспекте, имеет немаловажное методологическое значение. Хорошо известна длительная, то затухающая, то возобновляющаяся, дискуссия о начале «собственно» человека и «собственно» человеческого общества. Де-

лая упор на необходимость учета развития двух факторов — социального и биологического, некоторые исследователи стремятся начинать историю общества и историю первобытно-общинной формации с верхнего палеолита, когда сформировался человек современного типа — *Homo sapiens* (Матюхин, 1985).

Автор этих строк глубоко убежден в том, что периодизацию любого явления необходимо строить по однопорядковым признакам, не говоря уже о смешении двух принципиально различных форм движения материи — биологической и социальной. Тем более, что, как показывают массовые материалы, прогрессивные с точки зрения антропологии внешние физические черты отнюдь не коррелируют с прогрессивными проявлениями общества, которое образуют носители этих антропологических признаков. Так, в мусьерских культурах Ближнего Востока, где антропологические и археологические материалы для эпохи мустье особенно многочисленны, так называемые прогрессивные неандертальцы продолжали архаические традиции изготовления орудий, тогда как провозвестники новой верхнепалеолитической техники обработки камня отмечены у групп людей, чей внешний облик несет, с точки зрения физической антропологии, черты глубокой архаики и звероподобия.

Вместе с тем сама проблема первого человека и первого общества остается глубоко дискуссионной. С позиций археологии очень важно наличие устойчивого комплекса явлений, который можно было считать началом феномена культуры, который есть чисто человеческое явление и отсутствует в животном мире. Я полагаю, что существование в олдувейскую эпоху бесспорных искусственно сооруженных жилищ, набора специально изготовленных орудий, а также охоты как устойчивой формы жизнедеятельности позволяет говорить о наличии комплекса культуры и начале человеческого общества в его исходных, примитивных формах с олдувейской эпохи.

При культурологических реконструкциях на материалах археологии необходимо учитывать саму структуру феномена культуры, предложенную культурологами (Арутюнов, 1985). Здесь выделяются четыре подсистемы: производственная, жизнеобеспечивающая, познавательная и соционормативная. Производственная

система охватывает производство материальных благ, орудий и средств производства и, будучи представлена разнообразными материальными объектами, в целом достаточно полно характеризуется данными археологии. Подсистема жизнеобеспечения, которую иногда предлагают именовать даже культурой жизнеобеспечения (Культура жизнеобеспечения..., 1983), непосредственно направлена на поддержание жизнедеятельности ее носителей и функционирует преимущественно в сфере потребления. Грань между первичным производством материальных благ и завершающим этапом их реализации проходит как раз на уровне подсистемы жизнеобеспечения, когда блага принимают форму, окончательно направленную на удовлетворение жизненных потребностей. Археологические данные, характеризующие жилища, объекты для приготовления и потребления пищи, а в известной мере одежду и украшения, напрямую выводят исследователей к подсистеме жизнеобеспечения. Познавательная подсистема охватывает совокупность научных и эмпирических знаний, опыта, а также те сферы познания, которые основаны не на рациональном, а на эмоциональном восприятии, прежде всего через художественные образы. Наконец, соционормативная подсистема связана с целым рядом аспектов духовной культуры — ритуально-культурным, престижным, эстетическим — и включает в себя мораль, право, ритуалы, обычаи, а также значительную часть религиозных институтов.

Такой дифференцированный подход дает возможность анализировать значимость культурных традиций на содержательном уровне. Эти составные элементы позволяют последовательно реконструировать древние культурные комплексы как сложные многокомпонентные структуры.

Разработки культурологии дают реальную возможность не только статичной характеристики древних культурных комплексов, но и анализа их динамики, процессов развития и трансформации.

Здесь весьма существен иерархический подход к культурам различных рангов. Так выделяется эпохальный тип культуры, отражающий закономерности наиболее широкого плана, зачастую конвергентного характера, связанные с определенной ступенью или стадией социально-экономического, технологического или

культурного прогресса. Таков, например, тип культуры первых цивилизаций (Массон, 1986) или тип культуры раннеземледельческой эпохи, где культурные и технологические достижения воплотились в новом образе жизни, конвергентно установившемся в Старом и Новом Свете.

Второй тип культуры — региональный, ограниченный пространственно-временными рамками, в пределах которых формопроявления носят специфический и зачастую неповторимый характер. Следует иметь в виду, что понятие культурного региона в отличие от географического региона является более динамичным, его границы и содержание подвержены значительным временным изменениям. Правда, многие черты культурной стабильности в конечном итоге восходят к тем же явлениям географического, или шире — экологического характера. Для археологии такой уровень анализа, как региональный, особенно важен. На одном из заседаний методологического семинара в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР В. С. Бочкарев справедливо подчеркнул, что, как правило, археологические культуры, как устойчивые культурные общности, возникают не как единичный феномен, а целыми блоками. Такие блоки включают культуры, близкие по ряду формопроявлений, что хорошо известно по культурам степной зоны Евразии эпохи палеометалла. В таких комплексах, как древнеямные, срубные, катакомбные, андроновские и другие, отчетливо проявляется как некая общая подоснова региональный тип культуры, реализуемый, в частности, в устойчивом наборе артефактов. Другим ярким примером такого блока культур являются культуры архаических земледельцев Ближнего Востока от Иерихона и Джармо до среднеазиатского Джейтуна.

Наконец, третий уровень, или третий тип, культуры — локальный. В данном случае локальная культура является конкретной единицей, соответствующей древнему обществу как устойчивой социокультурной системе.

Взаимодействие и разный удельный вес элементов эпохального, регионального и локального характеризуют важные стороны древнего культурогенеза. Проиллюстрируем это на двух примерах археологии Средней Азии и соседних регионов. Для эпохи средней

бронзы этот подход позволяет раскрыть содержание такого важного явления, как культурный синтез.

Во второй половине III — первой трети II тыс. до н. э. здесь развивается группа, или блок, раннегородских, или протогородских, цивилизаций. Эпохальный тип культуры показателен для типа первых цивилизаций с монументальной архитектурой, крупными центрами урбанистического облика и специализированными ремеслами. На региональном уровне эти образования явно тяготеют к типу древневосточных цивилизаций, но образуют особую культурную группировку — субрегион, который автор этих строк предложил назвать протобактрийским. Он лежит вне зоны прямых протоэламских воздействий. Этот культурный субрегион имеет ряд специфических черт. В частности, здесь широко распространены плоские перегородчатые печати и сосуды, выточенные из мраморовидного известняка. В субрегионе выявлен и ряд локальных культур или цивилизаций, из числа которых лучше других изучена южнотуркменистанская цивилизация Алтын-Депе (Массон, 1981). На юго-востоке протобактрийский субрегион граничит с другим обширным культурным подразделением — индоиранским. Некоторые локальные культуры сочетают в себе элементы обоих субрегионов, происходит смещение межрегиональных границ. Так, комплексы типа Мегара явно тяготели на ранних этапах преимущественно к индоиранскому субрегиону, тогда как с конца III тыс. до н. э. по типам керамики, цилиндрических печатей, сосудов из мраморовидного известняка их следует включать в протобактрийский облик культур.

К античной эпохе межрегиональные границы заметно сместились, отражая иную историческую и культурологическую ситуацию. Эпохальный тип культур для этого времени это социокультурные комплексы, связанные с обществом эпохи развития рабовладельческих отношений, или рабовладельческой формации. Его впечатляющим внешним признаком являются крупные городские центры правильной планировки как отражение политики целенаправленного регулируемого градостроительства. Вторым ярким признаком эпохального типа культуры — распространение денег в монетной форме. Оно связано с массовым и регулярным товарооборотом на денежной основе. На региональном уровне наблю-

дается распространение комплексов эллинистического и постэллинистического типов. На субрегиональном уровне мы отчетливо видим две группировки — ирано-парфянского и индо-бактрийского круга.

Древние цивилизации как локальные формопроявления известны по географии античной эпохи. Согд, Бактрия, Маргиана, Парфия, Хорезм образуют в данном случае локальный тип культур или цивилизаций.

Принципиально важное значение имеет культурология для изучения по археологическим материалам самого культурного процесса, для реконструкции древнего культурогенеза. Сам археологический материал, получаемый все в больших количествах, прямо наталкивает археологов на эту тематику, но без должной методологической ориентированности она зачастую разрабатывается преимущественно на интуитивном уровне, с использованием упрощенных механистических концепций миграционного характера, а порой и попросту кустарно. В ряде случаев традиционные формы объяснения происхождения археологических культур и общностей на путях трафаретной интерпретации зашли в тупик и создаются кризисные ситуации, дискредитирующие в глазах научной общественности саму надежность исторической интерпретации данных археологии. К тому же, сильно воздействие традиции искать повсюду и в первую очередь этногенетические процессы, что порой уводит в сторону от решения реальных проблем, выдвигаемых на первый план самими данными археологии. В ряде случаев более правильно выдвигать на первый план вопросы культурогенеза, а лишь затем ставить вопрос о народах, в том числе предках современных, которые создали данный культурный потенциал.

Культурологические разработки позволяют говорить о разных типах развития, каждый из которых может быть проанализирован на материалах археологии. Первый — это спонтанная трансформация, когда нововведения, новые модели и эталоны (инновации) в основном складываются в местной среде, развитие идет за счет внутренних механизмов и стимулов. Второй тип развития — стимулированная трансформация, когда культурные изменения происходят под косвенным воздействием внешних импульсов, но без прямого заимствования. И, наконец, третий тип, хорошо известный ар-

хеологам на эмпирическом уровне, — прямое заимствование. Рассмотрим эти варианты типов развития на конкретных примерах тех же древних культур Средней Азии и Среднего Востока, о которых речь шла выше. Для цивилизации бронзового века Алтын-Депе основной линией развития была спонтанная трансформация местной анауской культуры, обладавшей всеми характерными признаками культур раннеземледельческой эпохи. Вместе с тем на формативном этапе все большее значение приобретает стимулированная трансформация, имели место и прямые заимствования. Месопотамские и эламские эталоны и модели, особенно в области архитектуры и торевтики, оказали заметное воздействие на культуру Алтын-Депе.

Взаимодействие спонтанной и стимулированной трансформации является характерной чертой протобактрийского региона и в течение II тыс. до н. э. Можно рассмотреть, как общие закономерности проявляются в конкретной группе артефактов — различных типах печатей Маргианы. Здесь четко выступают три составных компонента, нашедших отражение в распространении трех типов печатей. Первый — это плоские перегородчатые печати с петлеобразной ручкой. По форме, геометрическим и зооморфным (копытные, птицы) мотивам они продолжают местную, алтыновскую, традицию. Видимо, типологическим развитием их являются крупные ажурные печати, где сюжеты становятся более разнообразными. Все это прямой результат спонтанной трансформации. Новыми являются два типа — плоские каменные печати-амулеты и цилиндрические печати со сложными сюжетами и сценами. По форме последний тип явно происходит от месопотамско-эламской глиптики и при своеобразии иконографии представляет собой характерный пример стимулированной трансформации, воплощенной в новом типе артефактов. Что же касается печатей-амулетов, то в их форме — в виде многоступенчатого креста — в известной мере в сюжетах могут быть прослежены местные традиции. Но в целом сюжеты и стиль существенно отличны. Сами сюжеты частично навеяны месопотамско-эламской и хараппской традициями. Но это не прямое заимствование, а селективное использование.

Таким образом, уже в самом новом типе артефактов отразился сложный процесс культурного синтеза, объе-

диняющего линии спонтанной и стимулированной трансформации. В целом процесс формирования культурных комплексов Маргианы и Бактрии II тыс. до н. э. реконструируется как многокомпонентный. Исходный пласт культуры типа Алтын-Депе постепенно меняется в ходе спонтанной трансформации. Стимулированная трансформация может быть отмечена в виде отдельных импульсов, идущих с запада, со стороны месопотамозламского ареала.

Качественно новая эпоха наступает в Средней Азии со второй половины I тыс. до н. э. Как уже отмечалось, эпохальный тип культуры этого времени характерен для общества развитой древности, связываемой советскими исследователями со зрелой ступенью рабовладельческой формации. Для этого времени первоначально, в IV—II вв. до н. э. культурные изменения носят в ряде отношений скачкообразный характер, пучок инноваций достигает высокой степени концентрации. Он сосредоточен в основном в спектре стимулированной трансформации. Имеют место и прямые заимствования. Эти культурные инновации наблюдаются в различных подсистемах культуры и воплощены в новых типах артефактов. Генетически большинство инноваций связано с эллинистическими воздействиями. В результате даже массовая, народная культура претерпевает значительные изменения. В керамическом комплексе распространяются открытые формы, некоторые типы сосудов прямым образом следуют эталонам Эллады. Таким образом, изменения затрагивают даже подсистему жизнеобеспечения, поскольку функционально керамическая посуда связана с приготовлением и потреблением пищи. Местные начала также представлены в ряде формопроявлений, в том числе в керамике и особенно в сырцовом домостроительстве. Но два потока — спонтанной и стимулированной — трансформации на первых порах идут как бы параллельно, сосуществуя в разнотипных наборах артефактов.

На следующем этапе шире представлен культурный синтез, особенно хорошо изученный для кушанской эпохи I—IV вв. н. э. Здесь налицо прежде всего спонтанная трансформация ориентальноэллинистического пласта, который как раз вступает в фазу органического синтеза. Дальнейшее воздействие греческих, а затем и римских эталонов в целом было не очень велико и естест-

венно вписывалось в местный постэллинистический комплекс. В этом воздействии немаловажную роль играли коммерческие связи. Развитая торговля ювелирными и художественными изделиями объективно выполняла функцию культурного обмена. Другим источником стимулированной трансформации были культурные традиции Индии, проникающие, в частности, с распространением буддийских догматов. Сравнительно непродолжительным, но осязаемым было воздействие кочевых мира степной Азии. Таким образом, мощный очаг среднеазиатских урбанизированных культур античной эпохи, как и в древневосточную эпоху, формировался в условиях скрещения различных культурных традиций и культурного синтеза.

Важной формой установления на значительной территории устойчивых эталонов была культурная интеграция, к сожалению, слабо учитываемая при анализе такой сложной проблемы, как формирование археологических культур и культурных общностей. Ее значение возрастает с повышением ранга социально-экономического развития, когда в обществе формируются устойчивые комплексы новых потребностей и запросов, а различные формы механизмов взаимодействия — от торговли до политической доминанты — получают стабильный характер.

Под культурной интеграцией следует понимать ассимиляцию различных культурных элементов в единой гомогенной культуре. Движущие стимулы такого процесса могли лежать и вне культурной сферы, восходя к особенностям социального или экономического развития того или иного общества или групп обществ. Реконструкция культурного процесса как интеграции позволяет в ряде случаев лучше понять явления, наблюдаемые на археологическом материале в сфере культурогенеза, которые часто по привычно трафаретной схеме рассматривались как показатель этнических перемен. Один из ярких примеров — так называемая согдийская колонизация Семиречья, когда вся раннегородская культура этого региона однозначно приписывалась согдийским переселенцам или, как альтернативная реакция, — местным оседающим кочевникам. Большая роль согдийского компонента в сложении культуры раннего средневековья этих районов бесспорна. Сама сформировавшаяся на основе различных компонентов, согдийская

культура стала своего рода эталоном эпохи. Были созданы модели и нормы, широко распространившиеся в обществах в период второго цикла урбанизации, который наблюдается в оседлых оазисах Средней Азии и во входящем теперь в их число Семиречье в VI—VIII вв. н. э.

Перед нами, бесспорно, отражение процесса культурной интеграции и для широкого распространения эталонной модели отнюдь не обязательно физическое перемещение групп населения, хотя оно и было одним из конкретных механизмов протекавших процессов (Массон, 1979).

Вероятно, во многих других случаях подход с позиций интеграции и дезинтеграции и выделения стоящих за ними глубинных исторических процессов способствовал бы более адекватной трактовке археологических данных. Так, хорошо известны дискуссии, часто довольно острые, по поводу черняховской культуры, оставленной оседлоземледельческим населением Поднепровья и Поднестровья II — начала V вв. н. э. Она характеризуется совершенными стандартами материальной культуры, часто следующими римским образцам и обширным римским импортам, включая монету. Ее объявляли то чисто славянской, то готской, то (в последнее время) полиэтничной, что, видимо, является наиболее перспективным подходом. Однако феномен полиэтничности как бы вступает в противоречие со значительным культурным единством, позволившим выделить соответствующие памятники в особую археологическую общность. Вполне вероятно, что здесь также сыграли роль процессы интеграции, когда соответствующий культурный комплекс, формировавшийся на периферии римского культурного мира и органически включавший его компоненты в форме прямого заимствования или селективной переработки, был воспринят различными группами населения.

При этом подходе может быть использовано и такое социологическое понятие, как культурный комплекс — широкая совокупность предметов, учреждений, идей, образцов поведения, функционально связанных с определенным элементом. Например, среднеазиатским археологам на эмпирическом уровне хорошо известна кушанская культура как устойчивое сочетание определенных артефактов, повторяющееся как в крупных

центрах, так и на мелких поселениях. Генетически эта археологическая общность восходит к такому большому историческому явлению, которое при указанном выше подходе можно определить как кушанский культурный комплекс. В данном случае он связан в первую очередь с кушанским городом и тем широким развитием городской культуры и урбанизации, которое вообще характерно для этого общества (Массон, 1976 а). В кушанском культурном комплексе находят воплощение и функция идеологического лидерства города и многое другое. Показательно, что с упадком и исчезновением кушанских городов постепенно исчезает и кушанский культурный комплекс. Интеграция сменяется дезинтеграцией, соответствующей, скорее всего, кардинальному рубежу в социально-экономическом развитии среднеазиатских обществ эпохи рабовладельческих отношений. В трансформированной форме наследие кушанских эталонов в свою очередь вошло составным элементом в согдийский культурный комплекс, упоминавшийся выше. Именно в Согд из Бактрии перемещается в VI—VIII вв. центр импульсивного развития.

Культурология позволяет подойти к изучению самой динамики и внутреннего содержания процесса культурогенеза. Этот механизм во многом определяется взаимодействием старого и нового, традиций и инноваций. Этнографы и культурологи проделали большую работу по их изучению. В этом отношении плодотворным является проведенное в Ереване в 1978 г. совещание по методологическим проблемам изучения этнических культур (Методологические проблемы..., 1978). Ю. В. Бромлей определяет традиции как компоненты, или стороны, культуры, характеризующиеся устойчивостью, преемственностью, повторяющиеся из поколения в поколение (Бромлей, 1973, с. 67—68). Одним из компонентов традиций являются обряды или ритуалы, выступающие в данном случае как средство социального регулирования. В результате мы видим стереотипные формы массового поведения, выражающиеся в повторении стандартизированных действий (Бромлей, 1973, с. 70—71). В этом отношении сам термин «традиция» недалеко отошел от первоначального значения в латинском языке, где он означал «передачу», «предание».

В более общем плане традиции можно рассматривать как механизм самосохранения, воспроизводства и

регенерации конкретной культуры как системы, когда традиции включают в себя процесс и результаты стереотипизации как концентрированное выражение социально-исторического опыта. Под инновацией понимается введение новой технологии и новых моделей деятельности, причем создание такой модели происходит путем абстрагирования стереотипичных объектов и функций и соединения их нестереотипичной комбинации (Абрамян, 1978).

В археологической науке, исследующей предметный мир культуры, инновации, связанные с утверждением в обществе новой технологии или новой модели деятельности, находят отражение в появлении и распространении новых типов артефактов, что может быть четко определено методом археологической типологии и подтверждено количественным анализом. Определение факта перерыва традиций и распространения инноваций на материалах, составляющих объект археологии, устанавливается на основе анализа различных категорий источников (керамики, кремневых орудий, металлических изделий, погребальных обрядов). Определение порога инновации, качественного и количественного соотношения нового и традиционного имеет принципиальное значение для организации самого археологического материала, выделения как самых археологических культур, так и отдельных этапов их развития.

Взаимодействие традиций и инноваций отражает сложный, диалектический характер культурогенеза. На археологических материалах можно наблюдать, как отдельные инновации, пройдя стереотипизацию, четко фиксируемую типами артефактов, превращаются в традиционные элементы культурного комплекса. Типологический метод позволяет проследить и постепенную изменяемость нововведений, отражающую своего рода адаптацию к культурной системе в целом. Преимущество культуры при таком механизме следует диалектическому закону снятия или отрицания, являющегося условием и моментом развития и вместе с тем моментом связи нового со старым. При взаимодействии аспектов преодоления, сохранения и восхождения на новый, более высокий этап происходит отбор удерживаемых культурных форм и удержание с органическим включением в новое целое.

Вообще надо сказать, что творческое использование материалистической диалектики еще мало распространено в археологии, где исследователи практически ограничиваются эволюционными моделями, подкрепляемыми методами графического анализа. Однако совершенно ясно, что, например, рассмотрение смены археологических культур, хорошо известное археологам на эмпирическом уровне, с позиций диалектического закона перехода количественных изменений в качественные и обратно, позволит глубже и полнее исследовать прошлое древних племен и народов и оставленных ими культур. И этническая ассимиляция, и культурная адаптация представляли собой не упрощенные механические явления, а в первую очередь именно диалектический процесс.

Весьма важным является вопрос о природе и механизме формирования инноваций. Имманентное создание инноваций представляет своего рода культурные мутации. Механизм творческих инноваций выполняет функции мутации, но вместе с тем в данном случае речь идет не об отождествлении принципиально разных явлений, наблюдаемых в биологии и обществоведении, а об установлении между ними структурного и функционального подобия.

Смена типов артефактов представляет собой по существу фактологической скелет процесса, стадию опыта или эксперимента в археологии, закрепленную в соответствующей системе описания, где, как мы все время стремимся подчеркнуть, весьма важно использование культурологических разработок и понятий. Это значение культурологии возрастает на интерпретационном уровне анализа археологических материалов. Такая интерпретация должна производиться не сама по себе, в рафинированной среде абстрактных категорий, а в тесной связи с другими явлениями, с учетом всего археологического материала и всей суммы содержащейся в нем информации. Процессы преемственности и инноваций представляют собой не изолированный феномен, а одно из проявлений функционирования общества. Их необходимо анализировать с учетом производственного потенциала данного общества, его социальной структуры, возможностей культурно-хозяйственной системы в целом. Так, инновации стереотипизируются, а затем интегрируются в культурную систему

только в том случае, если они воспринимаются социальной средой и не происходит процесса отторжения. При анализе преемственности важно различать эпохальные, региональные и локальные традиции. Первые во многом связаны со сферой технологических достижений, что ярко видно на примере широчайшего распространения однотипных кремневых индустрий. Сфера традиций эпохального характера все более расширяется с развитием общества, особенно с распространением городского образа жизни и регулярных торговых связей. Локальные же традиции особенно важны при выделении археологических культур и таксономически близких им подразделений. При содержательном анализе причинно-следственного механизма инноваций необходимо учитывать основные сферы их проявления — технологию, обыденную культуру и идеологию. После подобной дифференцированной оценки возможна реальная постановка вопроса об источниках инноваций, которые могут быть связаны и с конвергентным развитием, и с диффузией, и с единством происхождения.

Остановимся на конкретном примере, взятом из материалов, характеризующих раннеземледельческие культуры юга Средней Азии.

Сопоставление отдельных составных элементов комплексов Анау IА и джейтунской культуры позволяет наметить как определенные местные традиции, так и инновации, столь заметные на археологических материалах. Прежде всего обращают на себя внимание явления, связанные с традициями в области технологии.

Это применение в домостроительстве сырцового кирпича, введение металлургии, использование в керамическом производстве в качестве отощителя песка вместо рубленной соломы, новые виды орудий труда, появление пряслиц и каменных мотыг. Поскольку в данном случае имеется в виду аспект развития технологии, можно было бы заключить, что перед нами результат естественной эволюции местного общества, могущего, правда, использовать и уже сложившиеся технологические приемы путем прямого заимствования. Однако заметные инновации наблюдаются и в сфере культуры. Так, весьма показательна полная смена по сравнению с джейтунским периодом кремневой индустрии, рассматриваемой как устойчивое сочетание типов изделий, типов заготовок и типов обработки. В комплексе Анау

IA изменения наблюдаются по всем этим трем составляющим, что явно указывает на иную культурную традицию. О культурных инновациях свидетельствует и распространение новых композиций росписи и элементов орнамента. Показатели культурной традиционности, которые могут быть возведены к джейтунскому культурному пласту, содержат общие для регионального типа культур раннеземледельческой эпохи элементы (мелкая пластика, фишки для игры, ступки, терки, охра в погребениях) и признаки, более тесно увязываемые с традициями джейтунской культуры как устойчивой археологической общности (типы домов, элементы орнаментации керамики).

Таблица I. Традиция и инновации в комплексе Анзу IA.

Категория объектов		Неолитические традиции	Инновации
<i>Дома</i>	Техника домостроительства	—	+
	Подквадратные дома	+	—
	Удлиненные дома	—	+
	Окраска интерьера	+	—
<i>Погребения</i>	Скорченное положение	+	—
	Посыпка охрой	+	—
	Ориентация	+	—
<i>Керамика</i>	Технология	Примесь самана	Примесь песка
	Типы форм	—	+
	Орнаментальные композиции	—	+
	Элементы орнамента, %	25	75
<i>Керамические изделия</i>	Статуэтки людей	+	—
	Статуэтки животных	+	—
	Фишки для игры	+	—
	Пряслица	—	+
<i>Кремневая индустрия</i>	Типы заготовок	—	+
	Типы вторичной обработки	—	+
	Типы изделий	—	+
<i>Каменные орудия</i>	Зернотерки	+	—
	Ступки	+	—
	Ядра для пращи	+	—
<i>Медные изделия</i>		—	+

Естественно встает вопрос об анализе причин наблюдаемых нововведений. При этом немалое значение имеют данные погребений как источника, чутко реаги-

рующего на этнические изменения и дающего материал для антропологической характеристики древнего населения. Погребальный ритуал джейтунских захоронений и погребений времени Анау IА в принципе одинаков: умершие помещались в скорченном положении на боку, тела их посыпались охрой, погребения совершались на территории поселка. Для обоих археологических комплексов показательна и неустойчивая ориентировка — преимущественно на север, северо-восток и северо-запад, но в отдельных случаях и на юго-запад. Антропологический состав населения времени Анау IА—Монджуклы-Депе, по данным погребений, в известной мере напоминает картину, устанавливаемую по сочетанию в комплексе Анау IА местных традиций и сторонних инноваций. Наряду с типичными для раннеземледельческих культур Средней Азии и Ирана черепами, относимыми к вариантам восточно-средиземноморского европеоидного населения, здесь представлен череп, обнаруживающий дравидоидные черты, свойственные населению экваториального типа Южной Индии. Таким образом, данные антропологии говорят о возможном появлении нового населения. Это позволяет объяснить отмеченные выше культурные инновации переселением племенных групп, бывших и носителями новой технологии. Элементы, восходящие к местной неолитической традиции, в таком случае, скорее всего, отражают сложный характер процессов культурной и, видимо, этнической ассимиляции, когда местное население, частично инкорпорированное пришельцами в систему своих родовых общин, сохраняло ряд традиций, как, например, в расписной керамике. Вопрос об источнике данной инфильтрации — это уже проблемы конкретной отрасли археологической науки, занимающейся данным кругом памятников. В этом случае, по мнению большинства исследователей инноваций, им были районы центрального Ирана (Энеолит СССР..., с. 20).

При культурологических разработках в археологии весьма важно определять и саму направленность культурного процесса, которая, отражая сложный путь конкретно-исторического развития, также может быть различной — как с положительным, так и с отрицательным знаком. В специальной англоязычной литературе по методологии археологии существенное внимание

уделяется противопоставлению крупных изменений (macrochange) и микроизменений (microchange). Первые определяются на причинно-следственном уровне генерализованными движущими силами (prime movers), тогда как микроизменения связаны с мультилинейным характером культурного процесса, часто со случайным движением отдельных элементов как бы по типу дрейфа генов в современных представлениях биологической науки (Shorer, Ashmore, 1980, p. 531). Однако такое противопоставление само по себе едва ли справедливо. При том уровне массовых материалов и конкретно-исторического подхода, который достигнут в археологии, разумеется, мы обнаруживаем все больше и больше черт локального своеобразия и так называемых микроизменений. При детализированной типологии артефактов в принципе можно будет выделить специфические различия в культуре соседних деревень и определить, что они обусловлены экологическими, технологическими, культурными и другими особенностями. Вырисовывается пестрая мозаичная картина древних культур и локальных подразделений и эта мозаика становится все более пестрой, а их слагаемые — все более мелкими. Это естественный и объективный процесс, отражающий прогрессивное развитие археологии, все большее приближение реконструируемых картин к реальному прошлому. Однако при более масштабном срезе мы видим, что в этой мозаике имеются и свои узоры, направленность и повторяемость которых образует особую систему. При таком срезе можно установить и макроизменения, определяемые общими закономерностями исторического процесса, находящими яркое выражение в культурогенезе.

Целый ряд понятий и направлений культурного процесса способствует выявлению и анализу этих общих закономерностей. Так археологические материалы позволяют изучать динамику образа жизни, где ярко выступают именно макроизменения и общие закономерности.

Г. Е. Марков характеризует образ жизни как совокупность типичных условий жизни, норм и форм жизнедеятельности, взаимоотношений людей, отношения общества к окружающей среде (Марков, 1985). В более формализованном определении под образом жизни понимается устойчиво воспроизводимая объективация

человеческой деятельности и жизнедеятельности, взятая в «фактах повседневности» (Марксистско-ленинская теория..., с. 19). При этом имеется в виду повседневная жизнь, взятая в целостности ее различных сфер и областей, начиная от трудовой деятельности и участия в общественно-политической жизни и кончая бытом и досугом. Систематизация этой информации, освещающей образ жизни и его общие типологические черты древних коллективов, имеет весьма важное значение для изучения исторических процессов. Именно образ жизни позволяет изучать общие закономерности, в том числе социально-экономические, в их конкретном многообразии.

Предметный аспект повседневной жизни древних людей ежедневно и ежечасно изучается археологами, раскапывающими жилища и поселения, где чаще можно встретить рядовой, массовый материал, чем данные, отражающие экстраординарные процессы и ситуации. Систематизация этой информации позволяет реконструировать общие типологические черты, присущие отдельным эпохам. Они закономерно повторяются в разных конкретных обществах, хотя реальное воплощение этих общих черт каждый раз специфично и своеобразно.

При этом следует обращать внимание на вещный мир культуры. Нельзя не признать, что в последнее время именно вещам уделяется мало внимания и, следуя своего рода моде на формализацию, находимые археологами объекты трактуются в первую очередь как артефакты без последующего анализа стоящей за ними социокультурной сферы. Вместе с тем пристальнее внимание необходимо уделять предметной форме передачи социального опыта, стилю бытования в мире материальной культуры.

Рассматривая этот аспект археологических артефактов с выходом в серии реконструктивных операций на образ жизни, мы видим весьма примечательную картину. На решающем рубеже исторического развития, каким явился переход к земледелию, сложился принципиально новый образ жизни с относительно высокой степенью благосостояния. Благоустроенные дома сменили землянки охотников на мамонтов, вещный мир культуры совершил качественный скачок и стал набирать стремительные темпы развития, захлестывающие

современное общество. Сфера прикладного искусства обеспечивает яркость повседневного быта. В этом отношении весьма показательна орнаментированная керамика, по большей части расписная, столь характерная для культурных комплексов раннеземледельческой эпохи. Сложные семантические пучки, сконцентрированные в ряде композиций, отнюдь не случайны. Это было конкретное проявление художественной формы передачи информации в дописьменную эпоху. Космогоническая и мифологическая символика расписной керамики составляла неотъемлимую черту жизненного уклада, играла огромную роль в воспитании поколений, в закреплении принятого в данной среде поведения и образа мышления. Таким образом, перед нами прямое отражение соционормативной подсистемы. Подобного рода изменения в образе жизни могут быть выявлены в ряде других аспектов культурного комплекса раннеземледельческой эпохи.

В эпоху формирования обществ сложной социальной стратификации и первых цивилизаций происходит дифференциация образа жизни. Рост благосостояния и удовлетворение широкого спектра потребностей особенно резко проявились в образе жизни групп людей или социальных страт, обладающих разной долей общественного богатства. Эта дифференциация образа жизни находит отражение в жилых комплексах, бытовом инвентаре, погребальных обрядах и даже в развитии специализированных производств. В результате происходит сложение элитарной субкультуры, связанной с новым вариантом образа жизни и лишней раз подчеркивающей значение качественного рубежа, с которого начинаются классовые общества.

Важным аспектом в изучении поступательного развития человеческого общества являются исследования культурного прогресса. Этому вопросу уделяется особое внимание в философской литературе (Культурный прогресс..., 1984), ему был посвящен специальный симпозиум в Ереване, на котором рассматривались конкретные археологические материалы (Культурный прогресс..., 1982). Прогресс рассматривается как тип и направление развития от менее совершенного к более совершенному, но не всегда эти изменения ведут к структурному усложнению. Наблюдается как прогресс системы в целом, так и прогрессивное развитие отдель-

ных ее компонентов. Диалектический характер развития определяет и то обстоятельство, что прогресс системы в целом включает в себя одновременно регресс отдельных ее элементов, связей и функций. Соответственным образом регресс характеризуется как тип развития от высшего к низшему, как деградация, понижение уровня организации, возврат к пережившим себя формам и структурам. Сложный, противоречивый характер исторического и культурного прогресса заставляет с вниманием отнестись к обеим категориям, характеризующим происходящие изменения. Как известно, В. И. Ленин специально подчеркивал, что рассматривать ход истории без гигантских иногда скачков назад недиалектично, ненаучно, теоретически неверно (Полн. собр. соч. Т. 30. С. 6). При общем поступательном характере хода мировой истории нам известны яркие примеры упадка, дезинтеграции, возврата на более низкий уровень развития. Таковы упадок хараппской цивилизации и крито-микенского общества Греции, когда от структур раннеклассового типа и государства произошел возврат к первобытной эпохе с утерей ряда существенных компонентов социокультурной системы, в частности, письменности. Почти столь же впечатляющее резкое замедление темпов развития с утратой ряда высокоорганизованных элементов культурной системы происходит на Балканах, где поразительный расцвет раннеземледельческих культур эпохи энеолита, включающий социальную дифференциацию, нашедшую отражение в варненском некрополе, и пиктографические таблички Таргарики, сменяется бедными комплексами эпохи бронзы. Видимо, ранние земледельческо-скотоводческие и скотоводческо-земледельческие общества юга Балкан и прилегающих областей, приблизившись в разной степени к порогу цивилизации, исчерпали в данной природной и исторической ситуации возможности конкретных культурно-хозяйственных систем, после чего наступает общественный катаклизм и наблюдается культурный регресс. М. Г. Гаджиев на археологических материалах убедительно доказал культурный регресс, имевший место в Дагестане на одном из этапов поры палеометалла (Гаджиев, 1982). Возможно, это явление носит для Северного Кавказа общерегиональный масштаб, характеризуя весь постмайкопский период.

Культурный прогресс при определенной специфичности его параметров не представлял собой замкнутого или изолированного явления, а обуславливался прогрессом в социальной сфере и в экономике. Оптимизация (для своей эпохи) производительных сил была важной его предпосылкой. Сама социальная структура образовывала творческий фон (в зависимости от ситуации как позитивный, так и негативный), на котором шло формирование художественных и культурных ценностей, носились воплощавшиеся в них идеи и образы.

Показательна динамика культурного прогресса в разных зонах в эпоху палеометалла. В поясе земледельческо-скотоводческих культур аридной зоны масштабное введение металла в культуру не знаменовало кардинальных изменений, а, скорее, зафиксировало максимальный расцвет уже сложившейся культурной системы. В степной зоне Евразии и ряде примыкающих к ней областей прогресс в эпоху палеометалла был особенно впечатляющ. Прежде всего, что особенно важно, он наблюдается в сфере производства материальных ценностей, где прогресс производственных процессов связан в первую очередь с их большой эффективностью и повышением производительности труда. Немалую роль здесь сыграло использование такого внеличностного источника энергии, как тягловая сила животных. Но решающее значение в прогрессе производств этой эпохи сыграло развитие горного дела, металлургии и металлообработки с ее дифференциацией на такие отрасли, как специализированная деятельность кузнецов, литейщиков, ювелиров, оружейных мастеров. Для огромной зоны вне рамок древневосточной ойкумены это было технологическое основание второго крупного общественного разделения труда. Новая технология, особенно литье, позволяла быстро получать стандартные серии орудий, легко поддающиеся тиражированию. В данном случае резкое повышение производительности изготовления орудий труда, а не производительность самих орудий, иногда уступающих в этом отношении изделиям с наборным кремневым рабочим краем, было решающим и определяющим фактором прогресса.

Важной чертой культурного прогресса эпохи палеометалла было повышение уровня коммуникабельности и темпов распространения информации. Необходимость обмена и широких контактов была заложена уже в са-

мом материальном производстве эпохи бронзы, употреблявшем различные металлы, залежи которых распространены значительно реже, чем выходы кремня или обсидиана. Усилению разного рода связей способствовало и развитие колесного транспорта. Значительное развитие получает знаковая форма коммуникаций, причем особое значение приобретают разного рода символы. Целый ряд символических или, как обычно они характеризуются в археологической литературе, культурных предметов способствовали накоплению, закреплению и передаче опыта, превращенного из индивидуального в социальный. Эта сторона культуры, широко представленная в археологических материалах, ещё не исследована должным образом. Достаточно указать на так называемые штандарты и жезлы, известные и в Майкопе, и в Гисаре, и в Аладжа-Хююке, и в палестинских комплексах. Поскольку связь символа с символизируемым явлением, как правило, мотивирована, сами символы становятся фокусом, видимым сосредоточением более или менее отвлеченных истин. Здесь нашли прямое отражение процессы, происходящие в соционормативной подсистеме древних культур.

Нельзя не отметить, что исторический тип культур, сложившихся в результате прогресса в эпоху палеометалла в степной зоне Евразии, отличается повышенной степенью общности. Эта возросшая общность связана и с единством технологии, органической частью которой было развитие обмена, и с более оживленным общением, облегчаемым прогрессом транспортных средств. В результате технологические, культурные и идеологические инновации, определяющие в сумме направленность прогрессивного развития, сравнительно быстро распространяются на огромных территориях. Скорость этого распространения скачкообразно возрастает с широким использованием верхового коня.

Культурологические аспекты имеют немаловажное значение и при исследовании процесса формирования первых цивилизаций по материалам археологии. Наряду с коренными переменами в сфере социально-экономических отношений и социально-политических структур период формирования цивилизации отмечен кардинальными, качественными изменениями в сфере культуры. Причинно-следственные связи этих процессов с культурой через посредство инноваций привели к сло-

жению качественно нового культурного комплекса, который собственно и есть цивилизация. Для культуры большей части первобытной эпохи был характерен традиционализм, когда наблюдается в основном повторение процесса в прежнем объеме и на прежнем техническом основании. Теперь многие компоненты культуры подвергаются трансформации в результате утверждения в обществе новой технологии и новых моделей действий. В предметном мире культуры, известном нам в его археологической выборке, это наблюдается в появлении и широком распространении новых типов артефактов.

При рассмотрении культуры эпохи формирования цивилизации можно видеть, что инновации охватывают в равной мере сферы технологии, обыденной культуры (в значительной мере связанной с образом жизни) и идеологии. В области технологии основные изменения происходят в сфере ремесел, в которой, например, для Ближнего Востока наибольшую роль сыграли нововведения в металлургии, гончарном производстве и строительном деле. Успехи теплотехники, применение новых инструментов (гончарный круг и др.), привели к тому, что все большее распространение получает такая форма стереотипизации культурных явлений, как стандартизация. В строительном деле, где широко осваивались высотные и монументальные постройки, также наблюдается стандартизация, выработка канонов и модулей, происходит становление архитектуры в собственном смысле слова.

В соответствии с новыми ценностными ориентациями, утвердившимися в обществе, новые технические возможности реализуются как дифференциация и специализация ремесел. Среди ремесел в особые производства выделяются оружейное дело, глиптика, ювелирное производство. Недаром уже в письменных документах Урука IV упоминаются не менее 80 различных должностей и профессий.

Важное значение имели новые потребности в уровне коммуникации и особенно качественный скачок объема информации, подлежащей хранению и передаче для обеспечения функционирования общества как сложной социальной и хозяйственной системы. В результате складывается письменность, развиваются различные виды транспорта и прежде всего колесных экипажей.

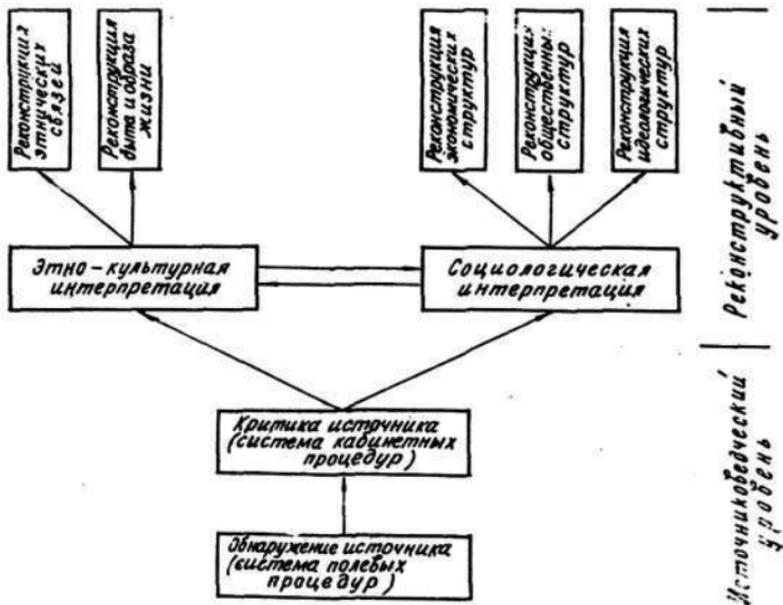

Рис. 1. Процедуры исследования археологических материалов.

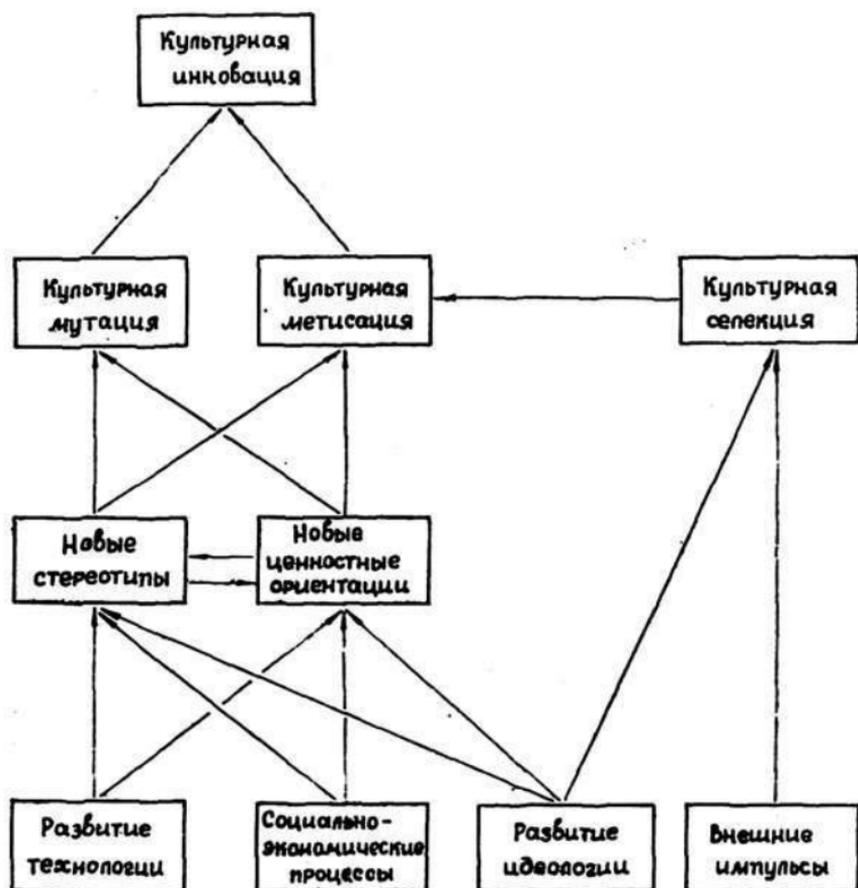

Рис 10 Процесс сложения культурных инноваций.

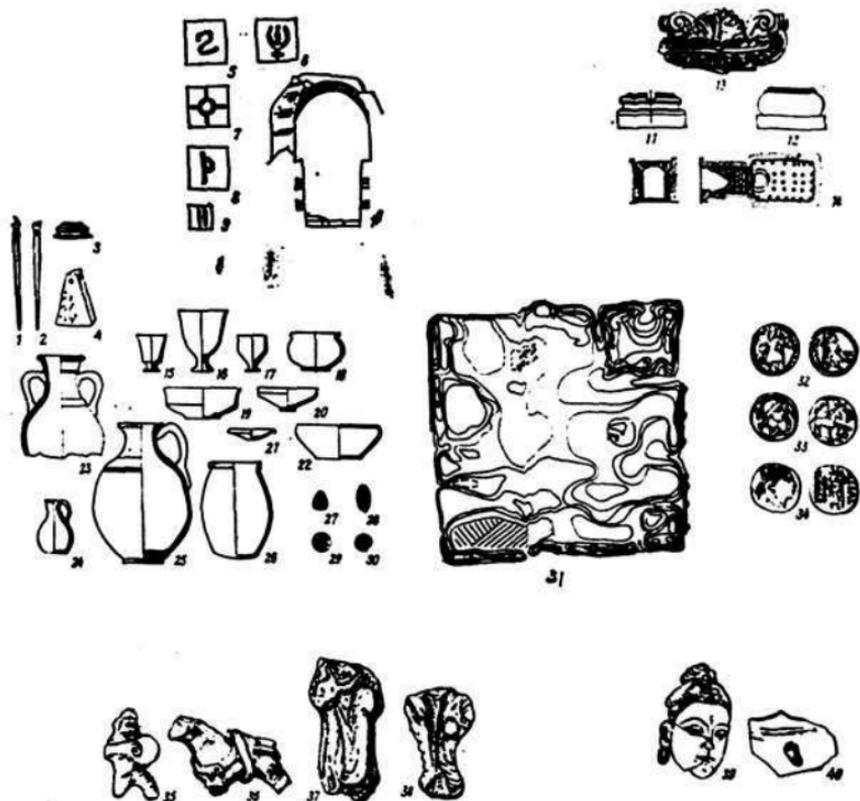

Рис. 11. Кушанский культурный комплекс. Устойчивое сочетание артефактов.

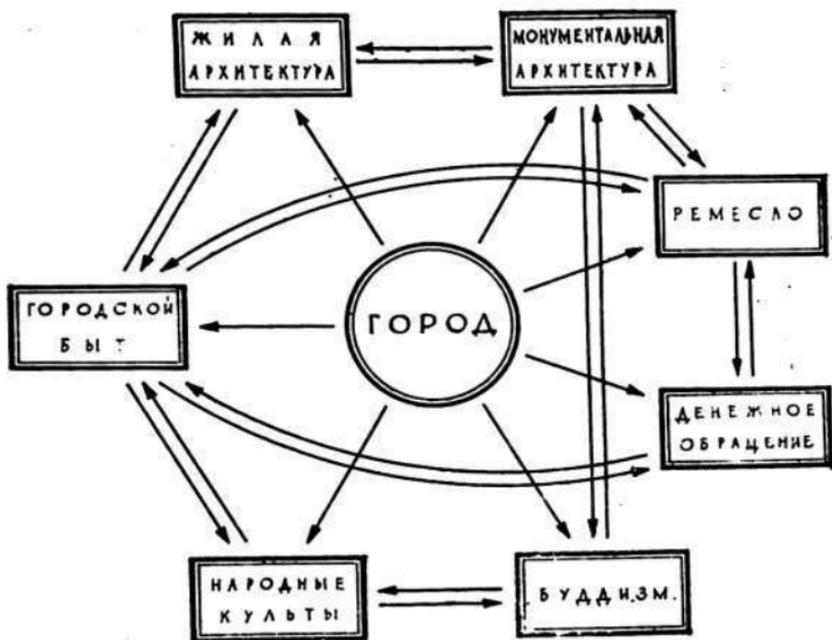

Рис. 12. Кушанский культурный комплекс.
 Схема культурологической интерпретации.

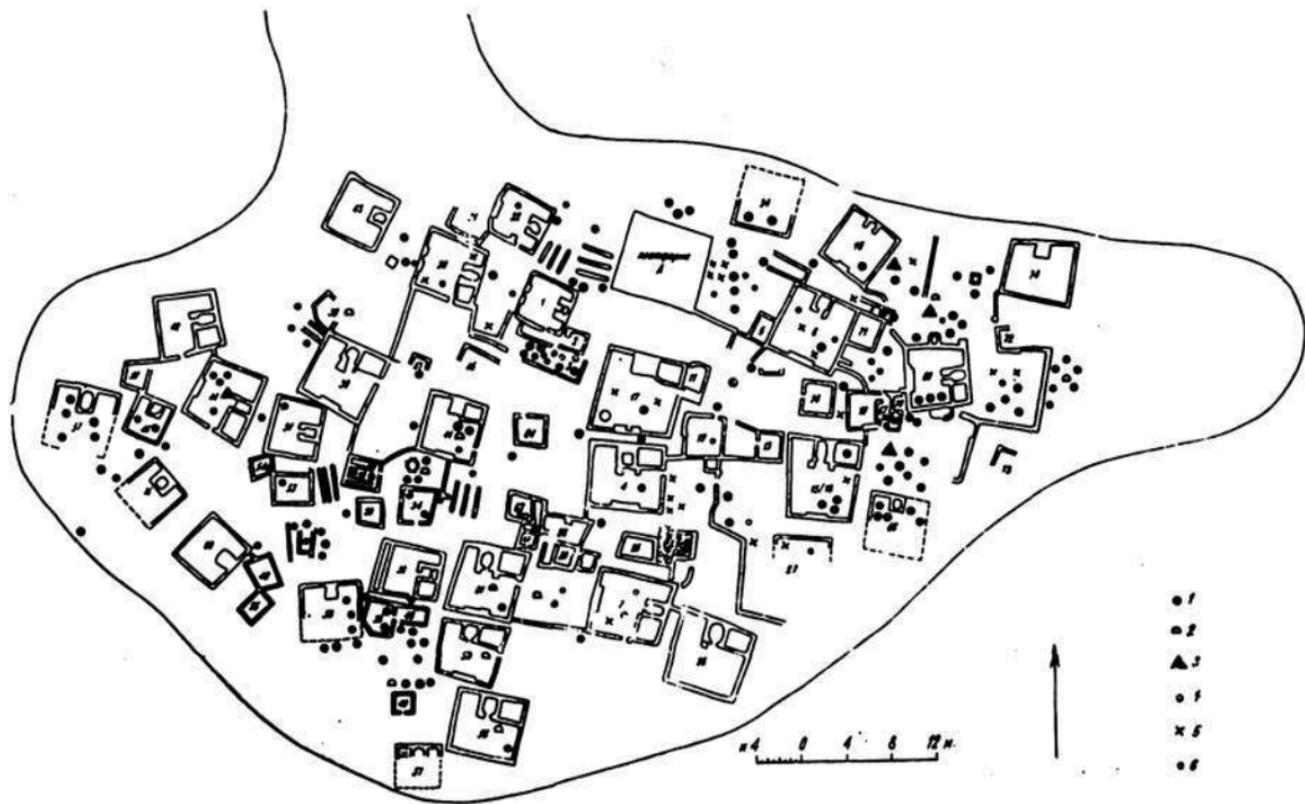

Рис. 3 Поселение Джейгун. Распространение орудий, связанных с домашними промыслами.

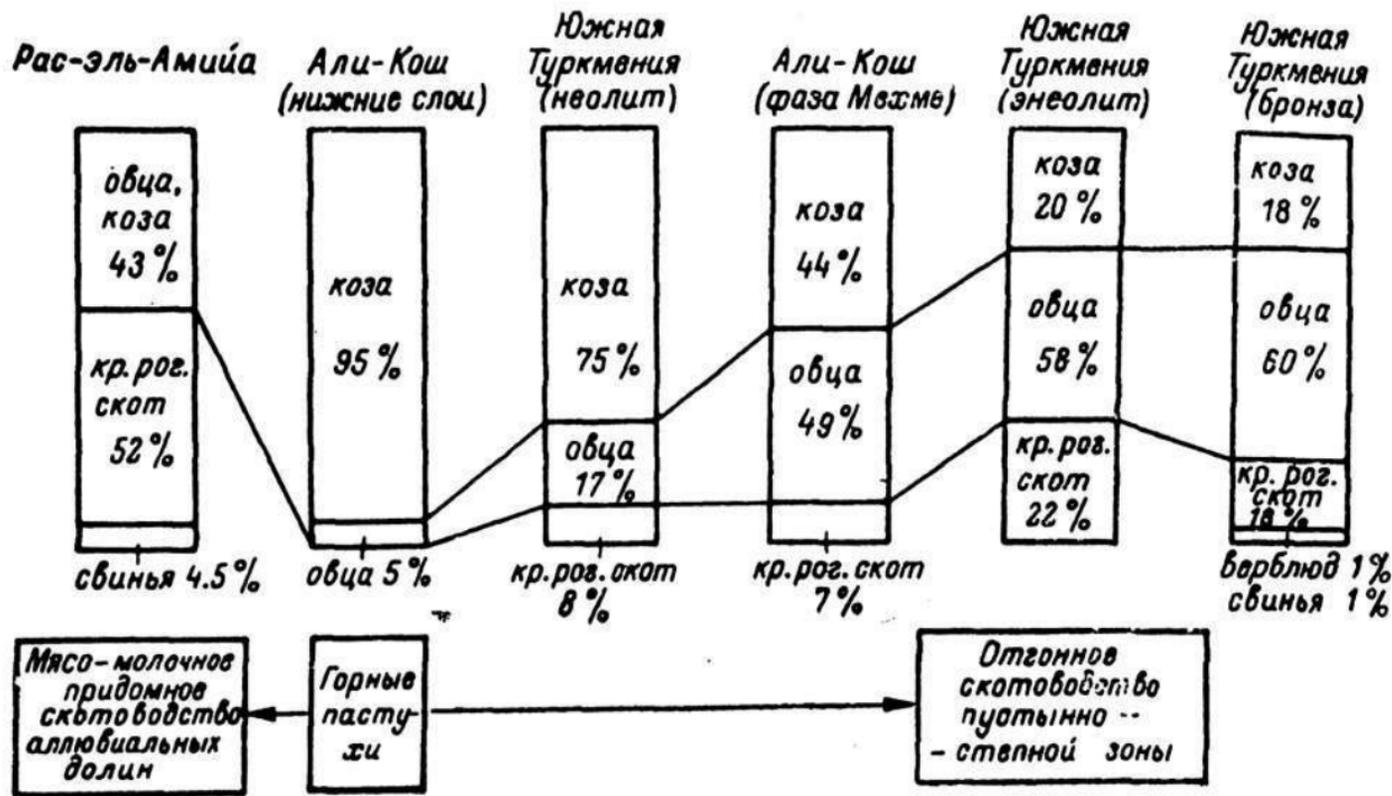

Рис. 14. Динамика состава стада на юге Средней Азии в VI—II тыс. до н. э.

Рис. 15. Обмен и торговля в древних обществах.

Рис. 17. Отражение различных факторов в погребальном обряде.

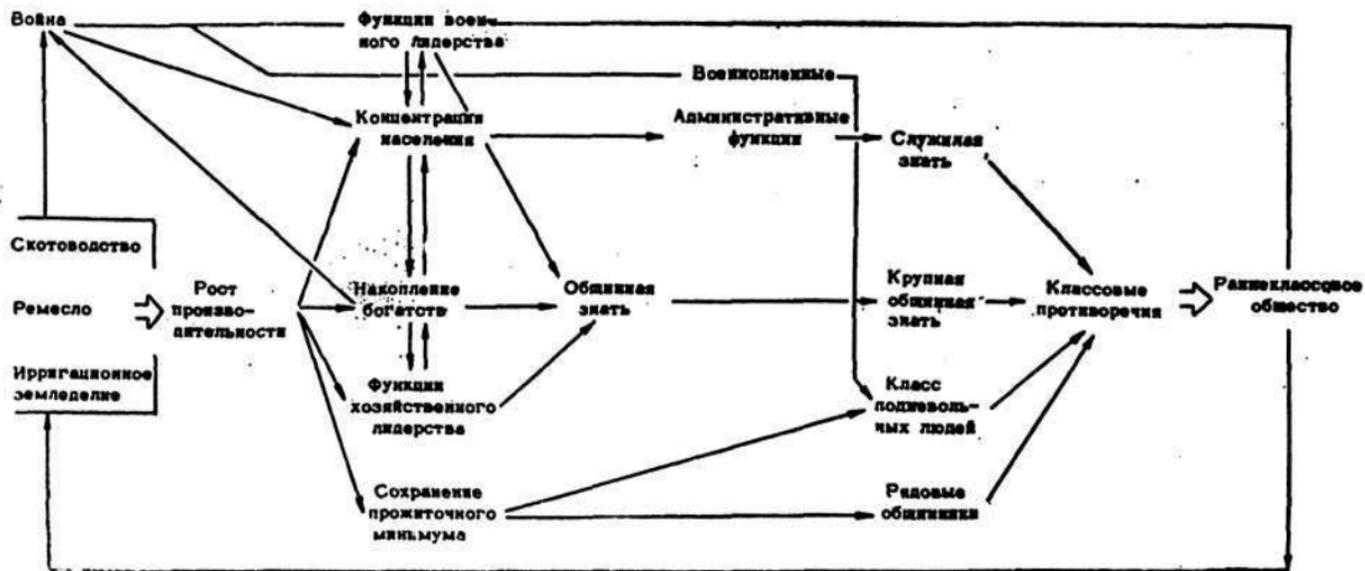

Рис. 18. Сложение раннеклассового общества. Схема исторического процесса.

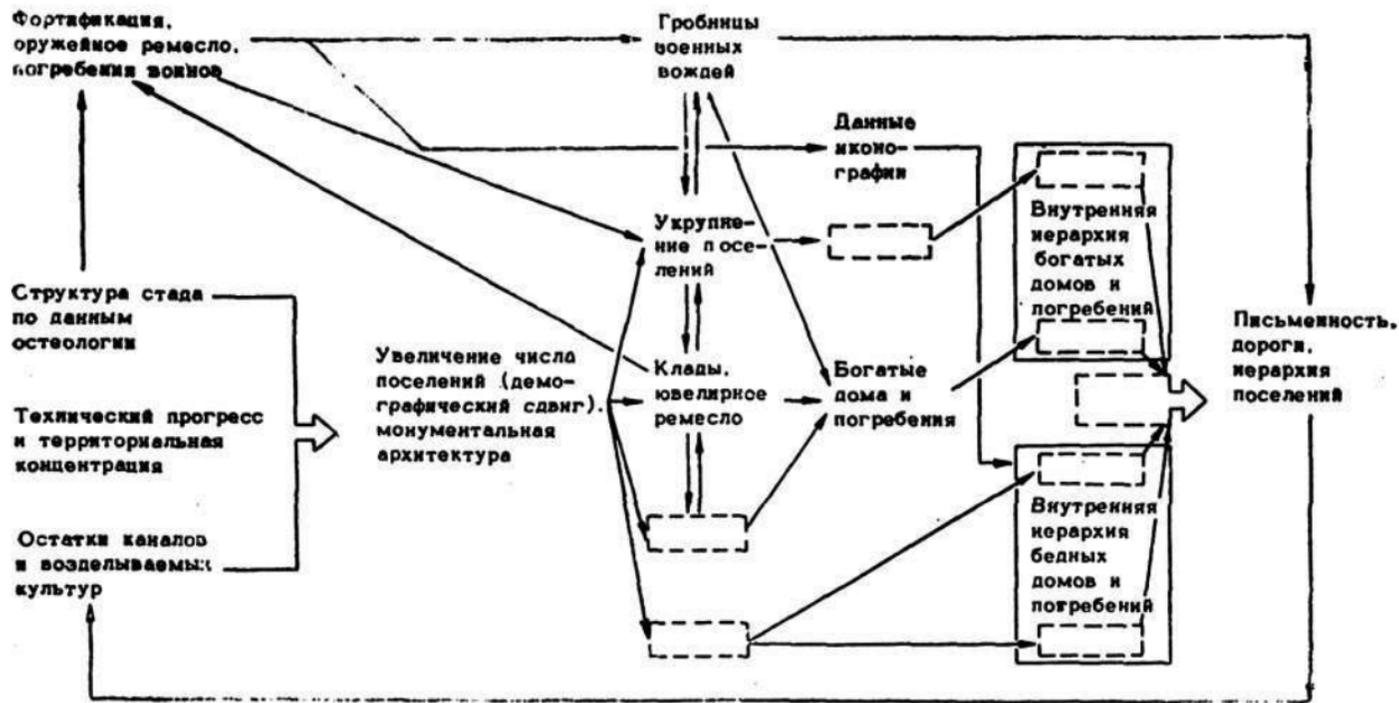

Рис. 19. Сложение раннеклассового общества. Обеспеченность изучения исторического процесса археологической информацией.

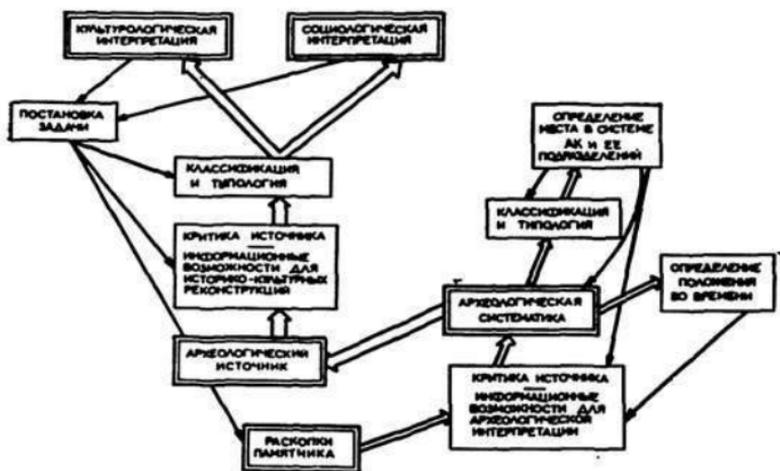

Рис. 2. Культура в понятийном аппарате археологии.

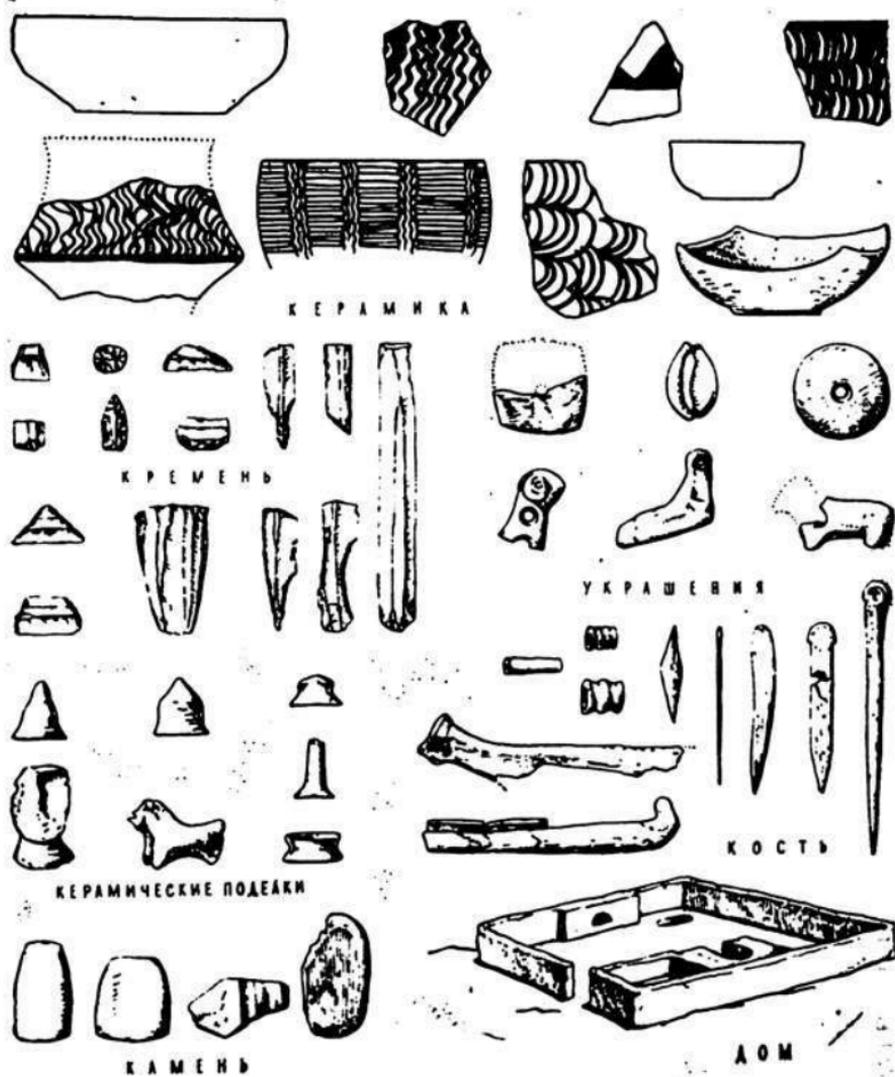

Рис. 3. Дзейтунская культура.

ЧАСТО ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ ТИПЫ (в пределах категории 15-60%)
РЕДКО ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ ТИПЫ

I. ЭПОХАЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТУРЫ

ПРОТОГОРОДСКИЕ И ГОРОДСКИЕ ЦЕНТРЫ МОНУМЕНТАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ РЕМЕСЛА

II. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТУРЫ

МРАМОРНЫЕ И ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ КАМЕННЫЕ СОСУДЫ ПЛОСКИЕ ПЕЧАТИ

IIa. ПРОТОБАКТРИЙСКИЙ СУБРЕГИОН

IIб. ИНДОСТАНСКИЙ СУБРЕГИОН

ЛОКАЛЬНЫЕ ТИПЫ КУЛЬТУРЫ

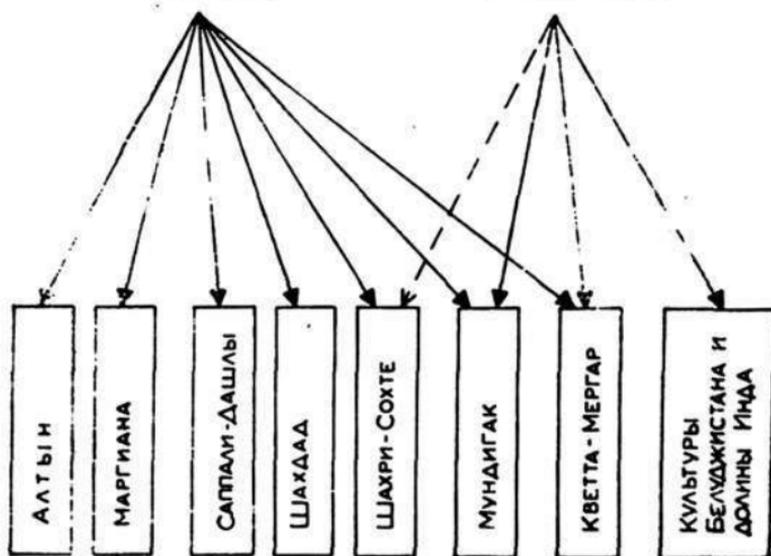

Рис. 4. Типы культур юга Средней Азии и соседних областей в эпоху бронзы.

I. ЭПОХАЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТУРЫ

СПЛАНИРОВАННЫЕ
ГОРОДА

МОНЕТНАЯ
СИСТЕМА

II. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТУРЫ

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Ia. ИРАНО-ПАРФЯНСКИЙ

Ib. ИНДО-БАКТРИЙСКИЙ

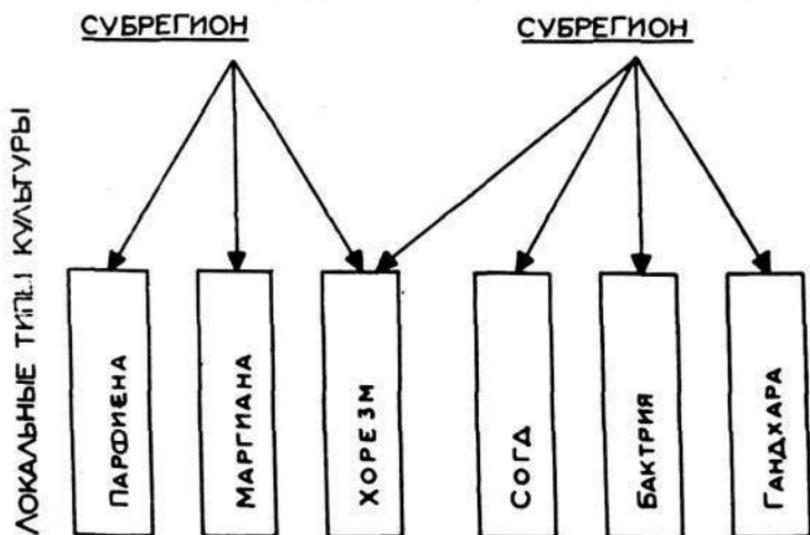

Рис. 5. Типы культур Средней Азии и соседних областей в эпоху античности.

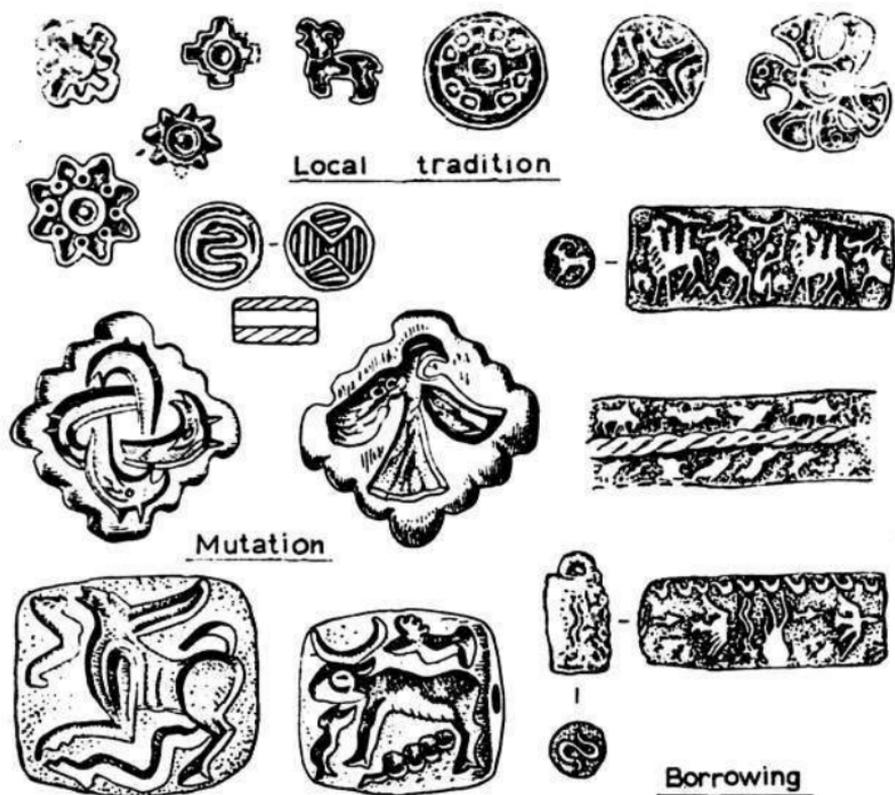

Рис. 6. Типы печатей Маргианы эпохи бронзы.

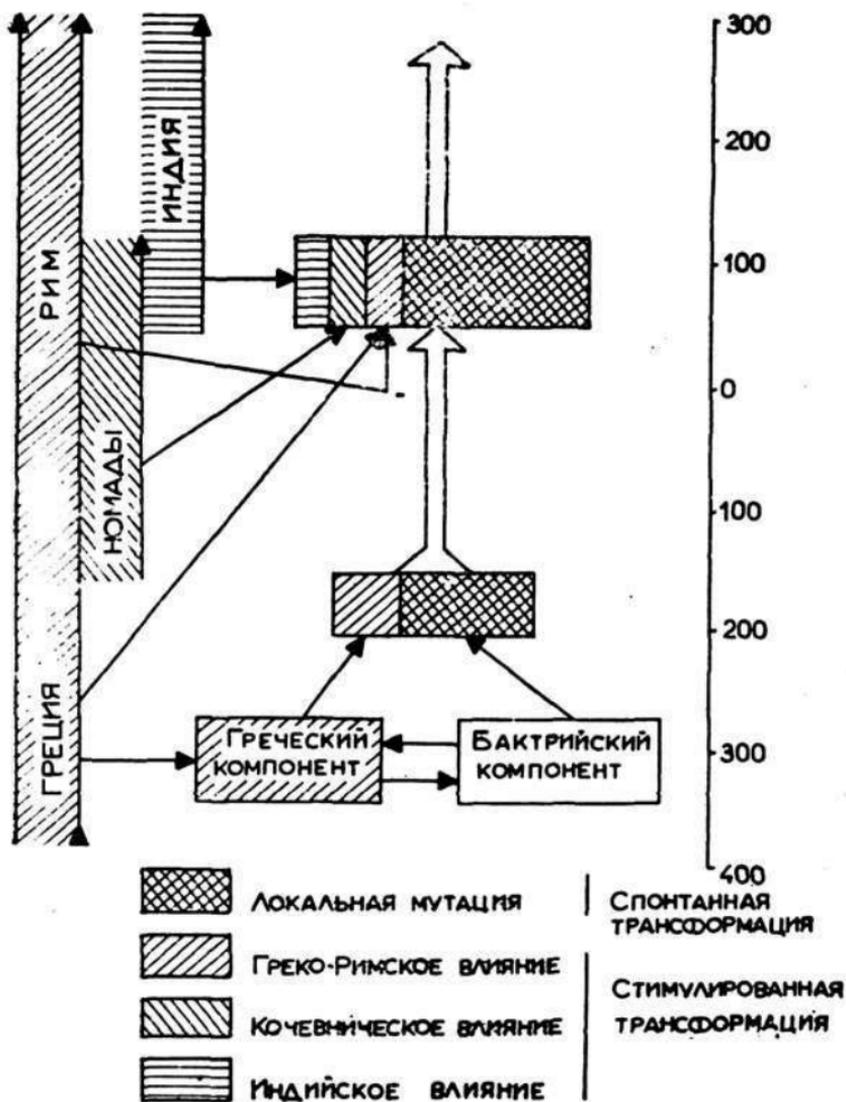

Рис. 7. Направленность культурных трансформаций в Средней Азии в античную эпоху.

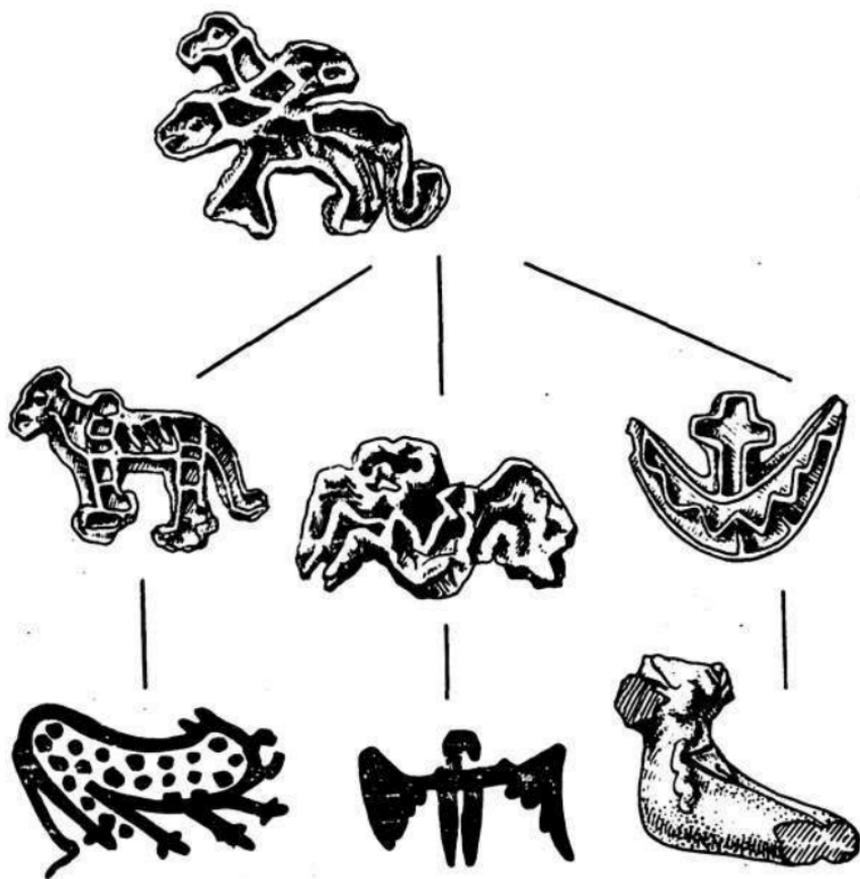

Рис. 8. Культурная инновация. Сложение образа монстра из традиционных элементов (по материалам Анауской культуры и цивилизации Алтын-Депе).

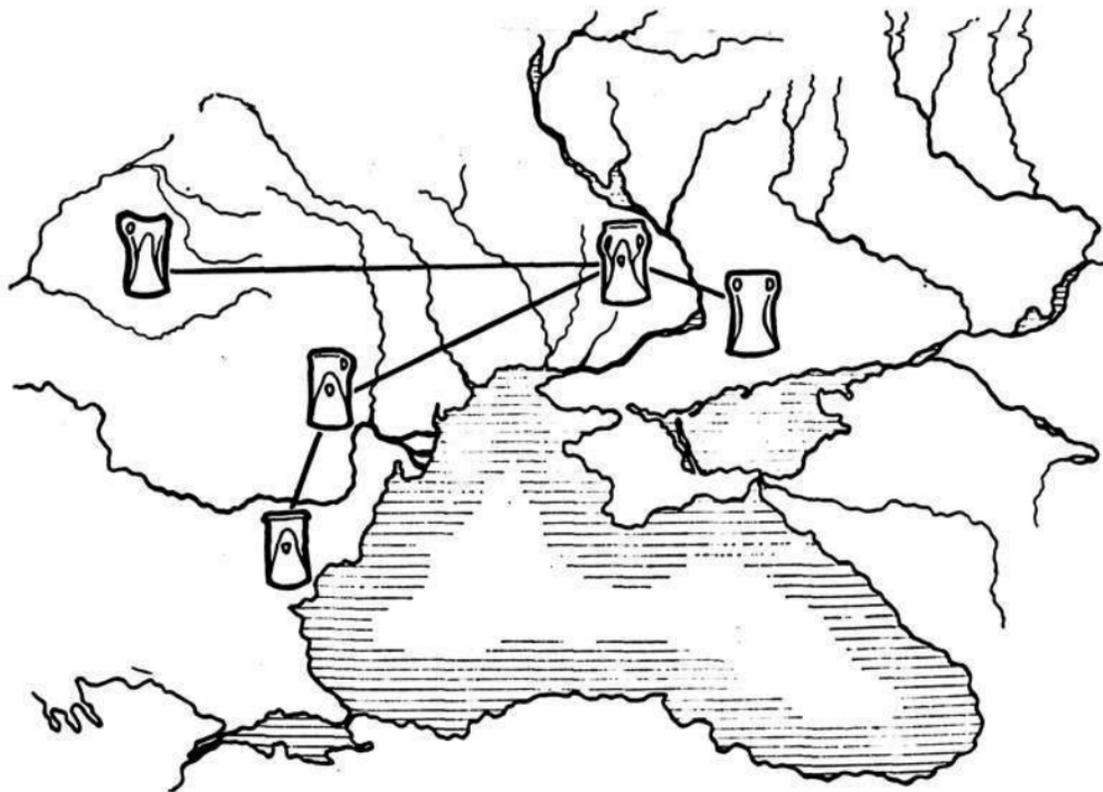

Рис. 9. Сложение нового типа кельтов из традиционных элементов (по материалам поздней бронзы степной зоны европейской части СССР). Составитель В. С. Бочкарев.

Последние обеспечивали новый объем хозяйственных, культурных и политических связей и взаимодействий: от транспортировки сырья до переброски воинов. Возрастает многообразие информационных каналов, в числе которых немаловажное значение приобретают регулярные ярмарки, храмовые празднества и другие массовые обрядовые действия.

На обыденной культуре помимо роста общего благосостояния, удовлетворения потребностей широкого спектра особенно резко отразилось выделение групп лиц или социальных страт, обладающих различной долей общественного богатства. Это видно по дифференциации образа жизни, отраженного в жилых комплексах, бытовом инвентаре и погребальных обрядах. Возрастающая специализация деятельности способствовала отделению умственного труда от физического. Об этом помимо появления школ писцов, свидетельствуют развитие неприкладного искусства, оставившего подлинными шедевры индивидуального художественного творчества. В условиях усиливающейся социальной дифференциации из утилитарных и престижно-знаковых функций инноваций все большее значение приобретают вторые. При этом престижность воспринимается в основном не как личный авторитет, а как принадлежность к определенному общественному слою, что закрепляется и в мире вещей. В сфере идеологии также идет выработка новых стереотипов в связи с институционализацией власти и сакрализацией должности и функций правителя. При этом частично используются элементы привычных для общинных масс аграрных культов и мифологических схем мироздания.

Исходным пластом культурного комплекса цивилизации, в котором инновации представлены столь широким спектром, была культура первобытного общества, но этот исходный пласт претерпел кардинальную трансформацию. Формирование инноваций шло двумя путями: через изобретение, или культурную мутацию, и через заимствование, или метисацию. Первый путь имеет особое значение. Независимое создание инноваций, или культурная мутация, носит сложный, диалектический характер и включает, как отмечалось выше, аспекты преодоления, сохранения и восхождения на новый, более высокий этап. Без глубокого изучения этого механизма невозможно понимание закономерного

характера возникновения и развития первых цивилизаций, формирующихся в совершенно различной культурной среде и на гигантском территориальном удалении.

Разумеется, это отнюдь не умаляет значения фактора культурного заимствования, особенно широко представленного во вторичных цивилизациях, где оно наблюдается в сфере технологии, утилитарных объектов, а также в сфере престижно-знаковой. Однако такое заимствование, как правило, происходит на основе селекции, которая обеспечивает адаптацию заимствований и сводит к минимуму реакцию отторжения местной социокультурной средой.

Для изучения археологических материалов обществ сложной социальной структуры весьма важное значение имеет различие утилитарных и престижно-знаковых функций культурных инноваций, т. е. явлений связанных с соционормативной подсистемой. Определенные явления и объекты, заимствуемые при престижном перепаде, могут и не иметь утилитарного значения, поскольку заимствование идет в среде элитарных слоев населения, для которых заимствованные инновации служат средством утверждения своего особого положения в данной социокультурной среде. Этим обстоятельством следует объяснять широкое распространение на определенном этапе престижно-знаковых символов, например, уже упоминавшихся жезлов и штандартов и других эталонов, связываемых с представлениями об особом, более высоком или, во всяком случае, более престижном образе жизни. Как отмечает С. А. Арутюнов, Япония, например, пережила два периода интенсивного заимствования культурных инноваций: первый — на протяжении VI—VII вв., когда шло освоение ряда корейско-китайских эталонов, и второй — в конце XIX—начале XX в. под влиянием европейских стандартов. Каждый раз массивный поток инноваций проникал прежде всего в быт господствующих классов и слоев (Арутюнов, 1978, с. 107). Показательно совпадение этих периодов с решающими рубежами социально-экономического развития — становлением классового общества и государства в первом случае, когда, кстати, этими же факторами было обусловлено распространение и насаждение буддизма как новой государственной религии, и формированием капиталистического

общества — во втором. По материалам археологии подобное распространение культурных инноваций, в том числе и престижно-знаковых или сохраняющих лишь эту свою функцию, хорошо прослеживается на завершающих этапах первобытного строя, когда повсеместно происходит выделение военной аристократии и идеологических лидеров.

Здесь мы подходим к важнейшей особенности культуры поры первых цивилизаций — ее внутренней дифференцированности, связанной с выделением элитарной субкультуры от образа жизни до идеологии. По сути дела, эпоха первых цивилизаций и была тем первым периодом, когда отчетливо произошло расщепление единого культурного потока в условиях формирования общества социального неравенства и классовых противоречий. Типы объектов, входящие в состав элитарной субкультуры, по идее и принципу обычно взяты из массовой, народной культуры, но переработаны профессиональными мастерами согласно запросам социальной среды. Это был один из важнейших путей формирования культурных инноваций в этот период и создания качественно нового культурного комплекса. Зачастую подобные стереотипы с течением времени теряли элитарный, престижно-знаковый характер и, по образному выражению С. А. Арутюнова, спускаясь по социальной лестнице вниз (Арутюнов, 1979, с. 31), вновь становились элементами всеобщей, народной культуры.

Выделение особой подсистемы элитарной субкультуры составляет специфическую черту культурного комплекса первых цивилизаций. Можно использовать для характеристики культуры этого периода и такой прием, как коэффициент актуализации. Он был предложен для характеристики художественной культуры (Бернштам, 1978), но может иметь и более широкое значение. Имеется в виду мера актуализации предшествующего опыта. В тех случаях, когда актуальным признается все наследие и только наследие, то создается «абсолютно консервативная культура» с коэффициентом актуализации, равным единице. Такое положение характерно для большинства этапов развития первобытного общества. И наоборот, когда ничего из созданного ранее не используется и признаются актуальными лишь вновь создаваемые ценности и эталоны, формируется, разумеется в виде теоретической модели,

«абсолютно новаторская культура» с коэффициентом актуализации, равным нулю. При таком подходе коэффициент актуализации культурного комплекса первых цивилизаций, насыщенный инновациями во всех основных сферах (технология, обыденная культура, идеология), может быть определен как равный приблизительно 0,5. Это обстоятельство, как и формирование элитарной субкультуры, позволяет характеризовать культуру первых цивилизаций как качественно новое явление. Сложение цивилизации, скорее всего, с точки зрения культурогенеза можно рассматривать как своего рода культурную революцию, находящуюся в теснейшей причинно-следственной связи со становлением классового общества и государства. Вместе с тем культурные инновации, определившие, каково бы ни было их происхождение, принципиально новый сблик первых цивилизаций, пройдя стадию культурной интеграции, сами становятся традиционными элементами в обществах Старого и Нового Света. Некогда динамичные и передовые, эти культурные комплексы, пройдя порог инноваций, становятся традиционными и, как мы знаем по Древнему Востоку, консервативными в большинстве форм своего проявления. Следует иметь в виду, что качественные культурные преобразования, происшедшие за относительно короткий срок в пору становления первых цивилизаций, принципиально отличались от культурной революции, происходящей в условиях строительства социализма.

Ленинский план духовного обновления общества, план культурной революции предусматривал в первую очередь совместную, организованную сознательную деятельность масс трудящихся, прежде всего через приобщение к элементарной культуре (Ким, 1967). Бесспорное величие культурных достижений первых цивилизаций не должно заслонять того факта, что их фундаментом была глубокая социальная и культурная разобщенность общества, и оформление этой разобщенности в специфические культурные эталоны и модели с высоким коэффициентом престижности составляло сущность эпохи и происшедших перемен. Начинался долгий и трудный путь развития культуры через полярные, хотя нередко и взаимопроникающие системы противостояния, которые ликвидирует лишь новая бесклассовая формация. Советские философы подчерки-

вают, что уровень культурного прогресса общества измеряется объемом создаваемых в обществе духовных ценностей, масштабом их распространения и глубиной их освоения человеком» (Культурный прогресс..., 1984, с. 43).

Культурные ценности, создававшиеся в эпоху первых цивилизаций, зачастую не выходили на широкую арену, оставались достоянием определенных слоев и профессиональных групп. Уже сама сложность систем древнейшей письменности резко ограничивала распространение грамотности. Узость социальной базы прогрессивных явлений в культуре обуславливала и внутреннюю слабость древнейших цивилизаций, порой исчезавших как культурный феномен с перерывом традиций в целом ряде сфер культурного прогресса.

Важным разделом археологической науки является социологическая интерпретация обширных материалов, получаемых исследователями в ходе полевых работ и организуемых в рамках археологической систематики. К этой сфере, которую можно именовать социологической археологией, следует отнести вопросы реконструкции экономических, общественных и идеологических структур древних обществ, производимой на основе археологических материалов как в плане определения общих закономерностей, так и частных явлений и процессов (Массон, 1976). Конкретный материал, уже систематизированный на уровне археологической интерпретации, может быть заново подвергнут типологизации и классификации в соответствии с задачами, поставленными при разработке блока социологического объяснения этих данных. При гипотезо-дедуктивном подходе важную роль играет привлечение исторических и этнографических аналогий или моделей, касающихся не конкретных отдельных явлений, а целых систем, функционирующих тем или иным образом. Обычно под аналогией подразумевается лишь заключение, ведущее к гипотезе. Но в практике мышления аналогия часто используется и для доказательства.

При социологической интерпретации материалов археологии этнографические данные следует использовать с учетом культурно-хозяйственного типа сравниваемых обществ. Привлечение сведений о культурно-хозяйственных типах, хорошо освещенных этнографией, в качестве модели при характеристике отдельных сторон жизни древних обществ, известных лишь по материалам археологии, и представляет собой один из вариантов использования аналогии, являющейся в данном случае аналогией качеств и свойств, в отличие от морфологического подобия, используемого в археологической систематике.

Остановимся на некоторых вариантах социологической интерпретации, направленной на характеристику древних хозяйственных и общественных структур.

Если рассматривать различные способы получения продуктов питания, то в пределах хозяйственных систем четко выделяются четыре основных элемента: сам объект эксплуатации (те или иные виды растительности и животного мира); орудия труда (средства труда), с помощью которых осуществляется получение и обработка соответствующих продуктов питания; природная среда, где протекает данный хозяйственный процесс; наконец, сам человек — основа производительных сил, центр, объединивший своей деятельностью все остальные элементы, а уровень интеллектуального и профессионального развития во многом определял способ хозяйства. Исходя из этого, при реконструкции хозяйственных систем древности необходимо опираться на разные виды источников, содержащих информацию о соответствующих составных элементах. Таковы прежде всего фаунистические и растительные остатки, изученные всесторонне — с определением видов, числа особей, их возраста, частей туш, шедших в употребление. Особенно важен анализ древних орудий труда с функциональной точки зрения, с ориентировочной оценкой их эффективности и производительности, устанавливаемых в ходе экспериментов. Экспериментально-трассологические исследования позволяют оценить трудовые затраты на изготовление орудий различных типов, так же как трудовые затраты в отдельных отраслях производства и на все производственные операции в целом (Семенов, Коробкова, 1983). Наконец, необходимым условием является реконструкция древней природной среды — определение плодородия эксплуатируемых почв, биотипов отлавливаемых животных, оценка биомассы исследуемого региона. Следует подчеркнуть, что наибольший эффект дает совместное использование всех видов источников, открывающее большие возможности для корреляции и взаимной проверки.

Древнейшим способом получения продуктов питания была охота, являющаяся в сочетании с более трудно улавливаемым собирательством базисом развития первобытных коллективов на протяжении сотен тысячелетий. Яркий материал для реконструкции охотничьей деятельности древнего человека дают ашельские стойбища в Испании — Торральба и Амброн. Основным объектом охоты был лесной слон, мясо которого составляло $\frac{4}{5}$ продуктов питания охотников. Судя по

остаткам, добывалось много молодых особей и детенышей слонов. Среди находок мало черепов и костей конечностей, что свидетельствует о предварительной разделке туши на месте добычи. Охотничье оружие представлено обломками рогатин, употребление которых требовало деятельного сближения с поражаемым животным. Окружающая среда представляла собой суббореальные леса с открытыми болотистыми низинами. По культурно-хозяйственному типу обитатели Торральбы и Амброны могут быть отнесены к группе бродячих охотников и собирателей, обитавших в лесах и саваннах, что позволяет использовать в качестве этнографической модели способы добычи слонов, осуществляемой рядом африканских племен. Она велась с помощью ям, вырытых на пути движения стада, причем в незамысловатые ловушки чаще всего попадали молодые особи. С этой целью использовались также естественные углубления, топкие низины и заболоченные берега водных протоков. Судя по всему, именно такой способ применялся и ашельскими охотниками Испании, добывавшими попавших в ловушки молодых животных с помощью рогатин. Показательно, что стоянка Торральба сама расположена на берегу болота.

В пору верхнего палеолита с развитием дистанционного оружия — дротиков и копий, дальность полета которых увеличивалась с применением копьёметалок, получают распространение облавные охоты. В зонах холодных перигляциальных степей объектами такой охоты были, в частности, зубры. Так, огромное стадо зубров в районе Амвросиевки на Украине было загнано в овраг и безжалостно уничтожено. Всего здесь насчитывается 983 животных, причем нормальное соотношение самцов, самок и детенышей указывает на истребление именно целого стада. Среди костей зубров обнаружено 306 наконечников копий, что свидетельствует о значительном количестве загонщиков, как полагают некоторые исследователи, — около 100 человек. Скелеты зубров в самых нижних рядах лежат в анатомическом порядке и вообще не были использованы человеком. Это одна из черт облавных коллективных охот — бесцельное истребление животных в размерах, превышающих возможности их рационального использования.

Обратимся теперь к способам производства продуктов питания. Динамика земледельческого хозяйства аридной зоны может быть восстановлена на основании материалов VII—VI тыс. до н. э. из района Дех-Луран в Юго-Западном Иране. Здесь на первом этапе зерна пшеницы составляют около 4% растительных остатков, что само по себе свидетельствует о небольшой роли земледелия, представляющего лишь уклад в комплексной экономике охотников, собирателей. Имеются вкладыши серпов, но наконечники мотыг отсутствуют. В условиях засушливого климата с малым количеством осадков (около 300 мм в год) дальнейший прогресс мог идти только по линии формирования орошаемого земледелия. Действительно, на втором этапе зерна домашних видов пшеницы и ячменя составляют уже 40%. Анализ флоры указывает на наличие заболоченных протоков и стоячих вод в зоне затухания подгорных ручьев. Каменные наконечники мотыг по-прежнему отсутствуют. В данном случае можно говорить о лиманном земледелии, использующем для посевов влажные участки в зоне разлива паводковых вод, где требовались лишь простейшие землекопные орудия, типа палок-копалок. Наконец, на третьем этапе, относящемся ко второй половине VI тыс. до н. э., болотистая флора исчезает, появляются каменные наконечники мотыг, а также шестирядный ячмень, возникновение которого ботаники связывают именно с мутациями в условиях искусственного орошения. Тяжелые мотыги с каменными наконечниками в таком случае могли использоваться для проведения первых оросительных каналов. Так все группы источников указывают на смену лиманного или болотного земледелия земледелием с искусственным орошением полей.

При изучении древних скотоводческих систем определенные трудности вызывает такой их составной элемент, как орудия труда. У скотоводов они достаточно примитивны и, как правило, изготавливались из неорганических материалов. Могут быть привлечены материалы, связанные с обработкой продуктов скотоводства, — разного рода маслостойки и набор орудий для обработки шкур, четко определяемый методами трассологического анализа. Правда, эти орудия нейтральны по отношению к происхождению самого сырья, которое могло быть продуктом как охоты, так и скотоводства. Но осте-

ологические свидетельства позволяют надежно использовать и эту группу орудий. Сопоставление палеоэкологических, остеологических данных и материалов по орудиям труда позволяет восстановить динамику развития скотоводческих систем на Ближнем Востоке и в степной зоне азиатского материка. У истоков этого важного способа производства продуктов питания стоит горное скотоводство, с козой как основным объектом эксплуатации и с перемещением стад по высокогорным пасбищам и подгорным долинам (Джармо, Сораб в Курдистане). Разнообразные наборы скребков для обработки шкур в эту пору особенно многочисленны. С освоением различных экологических ниш и увеличением числа пород домашнего скота формируются различные формы скотоводческого хозяйства. В аллювиальных низменностях Месопотамии и Элама (IV тыс. до н. э.) складывается мясо-молочное хозяйство с преобладанием в составе стада крупного рогатого скота; в степных и полупустынных областях типа Южного Туркменистана в это же время утверждается отгонное скотоводство, где доминанта принадлежит овце. Первые овцы со слабым развитием подшерстка не могли обеспечить широкое развитие ткачества. Выведение тонкорунных пород овец интенсифицировало развитие ткачества — глиняные и каменные прясла теперь встречаются в изобилии. Пастушеское отгонное скотоводство степной Азии со II тыс. до н. э. все шире использует лошадь и к первой трети I тыс. до н. э. эволюционирует в кочевое скотоводство, связанное с новым образом жизни, резко проявившимся во всех сферах культуры.

Особую группу производства составляют домашние промыслы и ремесла, лежащие вне сферы получения продуктов питания, но приобретающие с культурным прогрессом и ростом благосостояния все большее значение. Для реконструкции этих видов производственной деятельности важен учет трех обстоятельств. Первое — это уровень профессионализма, проявляющийся в технологических особенностях производств (что может быть установлено с помощью разного рода химических и физических анализов) и в устойчивой связи мастеров-профессионалов с орудиями труда, ярким образцом чего в археологических материалах являются т. н. погребения ремесленников. Второе — это определение территориального расположения производств на поселении

как отражение форм их организации в древности. Здесь источником служат как остатки самих производств, так и распространение связанных с ними орудий труда. И, наконец, третье важное обстоятельство — установление наличия развитого обмена или торговли самими продуктами производства, что, в частности, видно по появлению и распространению торговых кладов.

Уровень технологии каменного века был таков, что, несмотря на совершенство изделий, они потенциально могли быть изготовлены любым членом коллектива — практически все владели соответствующими производственными навыками. Установлено, что на верхнепалеолитических стоянках производство кремневых орудий носило децентрализованный характер и было сосредоточено по семьям, составляющим основную ячейку общества.

Число жилищ этих малых семей и количество производственных площадок на верхнепалеолитических памятниках Восточной Европы (Мезин) практически одинаково. В специальной литературе по палеолиту нередко говорится о мастерских и даже стоянках-мастерских. Однако с политэкономической точки зрения это были не те мастерские ремесленников-профессионалов, которые характерны для высоких ступеней развития, а традиционные рабочие площадки, где систематический труд членов общины приводил к накоплению производственных остатков.

На раннем этапе развития земледельческой культуры производства становятся технически разнообразными — появляется глиняная посуда, многочисленными и весьма различными по материалу становятся украшения. Однако сохраняется децентрализация этих производств по малым семьям, что свидетельствует об архаическом уровне организации этих производств как общественных явлений. В полностью раскопанном раннеземледельческом поселении Джейтун в Южном Туркменистане из 30 хозяйственно-жилых комплексов в 27 хозяйствах вели обработку шкур, в 25 — обработку дерева, в 20 — изготавливали кремневые орудия.

С усложнением технологии производств, требующей все большей специализации, что ярко видно на примере металлургии и металлообработки, характер размещения производств на памятниках меняется. Появляются специализированные производственные участки и даже

особые «дома мастеров» — керамистов или металлургов, обычно по одному на одном поселении (Хаджилар V тыс. до н. э. в Южной Турции, Амиранис-Гора IV тыс. до н. э. в Закавказье). Для объяснения этого явления была использована этнографическая модель, свидетельствующая о работе мастера-профессионала в сельской общине, обслуживающего членов своей общины не путем купли-продажи, а в силу своего членства в данной общине. Соответственно этот мастер-профессионал равноправно участвовал при распределении продуктов сельскохозяйственного труда. Этот важный этап развития производств получил в советской археологии наименование общинное ремесло.

На следующем этапе специализации производств все возрастает, усложняется технология, для овладения которой требуется длительное обучение. В результате происходит крупное общественное разделение труда — отделение ремесла от земледелия. Соответственно важные изменения происходят и в пространственной локализации — на поселениях выделяются крупные производственные центры, целые мастерские или кварталы ремесленников. На южно-туркменистанском протогородском центре конца III—начала II тыс. Алтын-Депе квартал ремесленников занимает территорию около 2,5 га. Обособляются ремесленные мастерские на поселениях среднеэладского времени Дорион IV, на городищах раннеиньского Китая. Эти специализированные производства уже обслуживают широкий круг потребителей, в том числе за пределами данной культурной общности, что осуществляется посредством торговли.

При реконструкции обмена и торговли как экономических явлений древних обществ археологический материал позволяет прежде всего говорить о пространственном перемещении объектов от мест добычи или изготовления. Факт такого перемещения, а также локализации исходного центра может быть надежно установлен разного рода технологическими анализами, важным методом изучения здесь служит археологическое картирование. На содержательном уровне следует различать обмен сырьем, обмен предметами украшения, обмен орудиями труда и оружием. Так, изучение распространения обсидиана на Ближнем Востоке в VIII—VI тыс. до н. э. показало, что он перемещался в значительных объемах на расстояние до 600 км. Например,

на Джармо было доставлено из малазийских источников почти 2 т этого материала, шедшего на изготовление орудий труда. Этнографическая модель обменных операций первобытных племен Австралии указывает на такой способ доставки сырья, как торговые экспедиции, получавшие на определенный срок право экстерриториального продвижения. Имелись и другие формы обмена, но все они ориентированы в первую очередь на потребительскую стоимость товара, представлявшего интерес для приобретавшего его лица в данной конкретной ситуации.

В раннеземледельческую эпоху в регулярный обмен вовлекаются украшения и материалы для их изготовления — раковины, редкие минералы, например, лазурит или бирюза. Наблюдается и пространственное перемещение утилитарных объектов, в частности, изящной художественной расписной керамики. В северной Месопотамии в VI тыс. до н. э. от 6 до 10% глиняной посуды доставлялось из более южных областей, где производилась керамика самарского типа, отличавшаяся высоким качеством и большими художественными достоинствами. С развитием металлургии, особенно с внедрением в производство различного рода бронз, регулярный обмен становится необходимой составной частью самого производственного цикла. Появляются первые формы всеобщей эквивалентной стоимости — так называемые первобытные деньги, хорошо известные по материалам этнографии. Ими становились различные виды товаров, в частности, раковины, а также утилитарные объекты. Последние для расчленения потребительской и меновой стоимости нередко подвергались нарочитым изменениям, в частности миниатюризации или, реже, гигантизму. Возможно, что ожерелья и браслеты из раковин, находимые в сосудах в Болгарии и Японии, представляют собой именно такие первобытные деньги, но в целом на материалах археологии этот вопрос слабо разработан. Необходимо поэтому уделять особое внимание древним металлическим объектам, имеющим стандартный вес или нарочито уменьшенные размеры, что вполне может свидетельствовать об их использовании в качестве первобытных денег. Вместе с тем следует иметь в виду, что первобытные деньги в отличие от денег, появившихся в классовых обществах, особенно в монетной форме, не имели значения

всеобщего средства обмена и не вытеснили другие формы обмена.

Рассмотрение отдельных отраслей первобытной экономики как самостоятельных систем не снимает задач реконструкции всей экономической системы как сложного функционирующего целого. На это был направлен ряд разработок, получивших наименование палеоэкономических (Бибииков, 1969; Массон, 1970).

Если рассматривать общество как макросистему, то экономика представляет собой функциональную подсистему, питающий блок, преобразующий внешние природные ресурсы. Весьма важно иметь представление о количественных параметрах макросистемы, подлежащей обеспечению. С этой целью производятся разные палеодемографические расчеты, имеющие вероятностный характер. Соответствующие оценки производятся разными методами (Массон, 1980).

Наиболее надежным является подход, осуществляемый на основе археологической карты и идущий снизу вверх — от определения числа обитателей одного жилища до населения поселка, группы поселений и изучаемого региона в целом. Используются также данные по аналогичным культурно-хозяйственным типам, известным по этнографическим материалам. Так, для охотников-собирателей плотность населения на 100 кв. км оценивается в 1—7 человек, причем нижний предел характерен для групп архаического типа — бушменов и австралийцев. Для ранних земледельцев плотность оценивается в 1000 человек на 100 кв. км. Крупные центры городского типа, особенно со скученной застройкой дают высокие показатели — от 300 до 500 человек на гектар.

Оптимальные пределы заселения экологической ниши могут дать расчеты биомассы; исходя из них, определяются верхние пределы населения, которое могло бы прокормиться на данной территории при реконструируемом способе получения продуктов питания. Динамика численности населения может найти отражение и в количестве поселений. При этом учитывается коэффициент, образованный средним числом поселений на 1000 кв. км. Сравнение этого коэффициента за различные периоды дает фактор роста. Приведем пример подобных оценок. Так, в СССР сравнительно хорошо изучен палеолит Молдавии, где для эпохи ашеля можно

говорить об обитании на территории в 20000 кв. км 10—12 локальных охотничьих групп. Им соответствовали 10—12 базовых лагерей в виде пещерных стоянок, находившихся в окружении ряда временных стоянок. При средней численности локальной группы в 25 человек общее число жителей может быть определено в 250—300 человек, или 1,2—1,5 чел./100 кв. км. Коэффициент этот, как мы видели, известен по этнографии для архаических охотников-собирателей. В верхнем палеолите соответственно можно говорить о 38 локальных группах или о плотности населения в 3,7 чел./100 кв. км. В эпоху палеолита природная зона Молдавии представляла собой холодные степи с островками и лентами древесной растительности. Расчет биомассы показывает, что для обеспечения питанием одной локальной группы была необходима охотничья территория в 400 кв. км. Таким образом, предлагаемые оценки палеолитического населения не выходят за предел допустимого оптимума, но в пору верхнего палеолита, учитывая наличие также неплодородных угодий (скалы, водные пространства), подходят близко к нему. Наверное, это была одна из предпосылок наступившего вскоре кризиса верхнепалеолитической экономики.

Развернутую палеоэкономическую оценку представилось возможным дать для неоднократно упоминавшегося раннеземледельческого поселения Джейтун. При реконструкции питающего блока здесь было важно оценить объем необходимых продуктов в сфере питания. Для этого были использованы нормативы Шумера, расположенного в близкой климатической зоне. Для мужчин эти нормы составляли 36 кг зерна в месяц, для женщин — 18 кг. Общее число обитателей полностью раскопанного поселения оценивается в 150—180 человек. При таких оценках, учитывая также посевное зерно и резервный фонд, потребности джейтунского поселка в зерне определяются в 44 т. При урожайности, характерной для этой природной зоны, потребная посевная площадь составляет около 20 га. Показательно, что такие же размеры возделываемых угодий дали результаты палеогеографического обследования района Джейтуна. По нормам земледельческих работ древнего Шумера и по экспериментальным данным, оценивающим производительность работ кремневых орудий джейтунского типа, необходимые трудовые за-

траты при лиманном земледелии, характерном для Джейтуна, для этих площадей составляют 2500 человеко-дней. При трудовых ресурсах Джейтунской общины (с учетом труда подростков) в 33000 трудодней совершенно ясна высокая эффективность данного способа получения продуктов питания.

Имеется много других примеров палеоэкономических оценок для характеристики тех или иных сторон функционирования древних обществ. Так, по расчетам американских исследователей, ольмекский храм в Ла Вента (Мезоамерика) строился с затратой 18000 человеко-дней. Однако остров, на котором расположен этот культовый центр, мог дать пропитание при системе подсечно-огневого земледелия, практиковавшегося у ольмексов, не более чем 30 семьям. Из этого следует, что постройка культового комплекса была результатом усилий многих общин, для которых он был идеологическим и, видимо, организационным центром.

Важным источником для изучения общественных структур древних обществ являются жилища и поселения. Социологически жилище рассматривается как вычленение с помощью домостроительной техники из природной среды общественной единицы с обеспечением ее жизнедеятельности. Жилища, учитывая их размеры, внутреннюю организацию и сведения о жизнедеятельности обитавшего в нем коллектива, нашедшие отражение в бытовом инвентаре и других остатках, позволяют судить о размерах древних общественных единиц и, в известной мере, об их функциях. Исходной источниковедческой базой подобных оценок является реконструкция самого жилища, его параметров и устройства с учетом особенностей домостроительной техники.

Одной из важных проблем является оценка населенности жилищ. Американский исследователь Наролл, обобщив данные по 18 различным обществам, предложил коэффициент в 10 кв. м на одного обитателя. Эта излишне генерализованная оценка не учитывает природно-климатического фактора и культурно-хозяйственных типов, которые ставили разные задачи перед создателями жилищ. В равной мере уровень развития общества, его производственного потенциала позволял решать эти задачи лишь в рамках конкретных возможностей. Палеодемографические исследования обществ

охотников и собирателей Калифорнии, живших в климатических условиях, близких к условиям проживания мезолитических племен Передней Азии, дают значительно более низкие показатели фактического наличия жилой площади на человека — в среднем 1,8 и реже — от 4,5 кв. м до 6,3 кв. м.

Известен ряд конкретных разработок, позволяющих восстанавливать на основании изучения жилищ развитие общественных организмов. Так, на юге Средней Азии в VI—V тыс. до н. э. раннеземледельческие поселки состояли из однокомнатных домов с внутренним очагом, небольшим двориком и подсобными помещениями. Этот исходный блок был рассчитан на малую семью, бывшую молекулой общинных поселений. К концу IV тыс. до н. э. появляются многокомнатные дома, состоящие из 5—7 планировочных узлов, включающих небольшое жилое помещение с отопительным очагом и примыкающую подсобную хозяйственную каморку. Эти многокомнатные дома имели общий хозяйственный двор, общее зернохранилище и общую кухню, что позволяет рассматривать их как места обитания больших семейных общин, объединяющих несколько малых семей, ведущих общее хозяйство под одной крышей. К концу III тыс. до н. э. с развитием протгородской цивилизации Алтын-Депе наблюдается дифференциация типов многокомнатных домов по размерам и качеству отделки, что отражало дифференциацию образа жизни в условиях развивающегося в обществе социального неравенства. Эта дифференциация полностью подтверждается разным уровнем благосостояния, отраженным в погребальном инвентаре коллективных гробниц, располагавшихся в комплексе с разными типами многокомнатных домов.

Следующая за жилищем структурная единица — поселение — четко отражает качественно новые черты иерархических подразделений. Его особенности не сводятся только к сумме жилищ. Важными элементами поселений как более высокой структурной единицы являются укрепления, святилища или места общих собраний, производственные центры. Советские исследователи уже в 30-е годы уделяли большое внимание изучению поселений как комплексов, наиболее полно отражающих общественные структуры. В частности, были достигнуты значительные успехи в исследовании

верхнепалеолитических стойбищ и раннеземледельческих поселений трипольской культуры на Украине. В 60-е и 70-е годы пристальное внимание изучению поселений как по данным этнографии, так и археологии стали уделять и американские исследователи, в среде которых даже сложился специальный термин «поселенческая археология» (settlement archaeology).

Под поселением понимается территория, где члены общины живут и осуществляют в течение определенного отрезка времени свои социальные функции. Определение длительности обитания является важным критерием отнесения того или иного памятника к числу поселений. Исходя из этого, под поселением, сохранившимся в музейной выборке доступной археологии, следует понимать археологический комплекс на территории, служившей местом обитания человеческого коллектива в течение более чем одного сезона, что нашло отражение в мощности культурных напластований в пределах одного стратиграфического слоя и остатках строений. Критерии мощности, разумеется, будут варьировать в зависимости от различных культурно-хозяйственных типов и применявшейся в этой среде домостроительной техники. Для глинобитных строений Ближнего Востока и Средней Азии мощность одного строительного горизонта для рядовой архитектуры обычно составляет 50—60 см. Взаимная организация нескольких поселений образует макросистему, или — для аридной зоны с искусственным орошением — оазис.

Число конкретных социологических разработок, осуществленных на материалах поселений, весьма велико. Так, опираясь на этнографическую модель для палеолитических стойбищ, была предложена трехчленная иерархия: базовое стойбище, временное стойбище («пункт разделки мяса») и промежуточная стоянка. Базовый лагерь характеризуется насыщенным культурным слоем, содержащим, по подсчетам американских исследователей, до 500 неопределяемых обломков костей на 1 куб. м, наличием очагов и других свидетельств интенсивной жизнедеятельности. Обычно это открытые светлые пещеры, как, например, мустьерский Тешик-Таш в Средней Азии или ашельский Лазаре на юге Франции. На временном стойбище очаги отсутствуют, количество неопределяемых обломков костей по

упомянутым оценкам около 100 на 1 куб. м. Этнографические материалы свидетельствуют о наличии устойчивых размеров территории, занятой поселками охотников и собирателей. Так, в Америке стойбище локальной группы, насчитывающей 20—30 человек, имело площадь в 200—300 кв. м. Локальные группы бушменов соответственно занимали в среднем площадь 400 кв. м. Поселки неолитических охотников лесной зоны Евразии обычно занимали площадь в 500—1500 кв. м.

Особый путь сравнительно интенсивной эволюции отражают раннеземледельческие поселения. Уже на раннем этапе их центр нередко образовывали святилища, отличающиеся от жилых домов не планировкой, а более значительными размерами и убранством интерьера, где нередко представлены фрески (Чатал-Хююк в Малой Азии, Песседжик-Депе в Средней Азии). В зонах высокой плотности разнокультурного населения рано появляются укрепления. Они представляют собой образцы первобытной фортификации, не имеющие в отличие от фортификации классовых обществ строгих архитектурных канонов. Формирование крупных населенных центров ведет к сжатию иерархической структуры поселений, отражающей усложняющуюся структуру древнего общества. Развитие в крупных центрах специфических функций — ремесленной, торговой, идеологического лидерства — ведет к превращению их в городские центры. Культурные комплексы, приобретающие в отличие от первобытных святилищ черты монументальности (что позволяет именовать их храмами), составляют характерную морфологическую черту первых городов. Собственно говоря, с них начинается развитие высотной архитектуры как специфической черты городских центров.

Большие возможности для исторических реконструкций открывает изучение групп поселений как целой макросистемы, позволяющей судить о значительных по размерам общественных и даже, как надеются исследователи, политических структурах. Так, для многих раннеземледельческих обществ система оазиса с крупным центром и мелкими поселками по периферии является наиболее обычной. Осуществлен целый ряд разработок с целью установления более строгих закономерностей в системе расселения. При этом использо-

вались идеи, заложенные в схеме В. Кристаллера, выработанной для идеально равнинных условий, когда пространство разбивалось на гексагональные поля тяготения, где центральное место занимал пункт, обладающий в числе прочих функцией центрального торгового места. Эти идеи прилагались к древнемесопотамским поселениям (Adams, 1972; Массон, 1974), где наметились устойчивые показатели для расстояний между поселениями разного ранга, что связано, скорее всего, с транспортными возможностями. Значение торговых и транспортных связей для урбанизированных обществ вполне понятно, хотя первые не следует преувеличивать, что так любят делать американские исследователи. Однако в конкретных условиях Месопотамии, не являющейся «идеальной равниной», для типов расселения определяющую роль играют водные артерии, как естественные, так и искусственные, что ведет к линейной форме размещения населенных центров. Разработки, предпринятые на материалах Средней Азии для маргиланских поселений эпохи бронзы (Максимов, 1980) и более поздних памятников ташкентского оазиса (Буряков, 1986), в целом подтвердили эту тенденцию. При наличии подробных археологических карт методы пространственного анализа могут дать интересные результаты, но, разумеется, особенности, присущие урбанизированным обществам, будут иными, чем на более архаической ступени развития. На материалах трипольских памятников намечается кустовая система расселения, близкая оазисам Средней Азии (Массон, 1980).

Важнейшим источником для изучения древних общественных структур являются погребения и могильники. Для определения информационных возможностей этого источника и установления строгой процедуры исследования необходимо четко представить прохождение информационного потока. Два важнейших фактора — культурные (или этнические) традиции и общественная сфера — через блок идеологических представлений воздействуют на сложение погребальных обрядов. От последних в археологической практике сохраняются такие вещественные явления, как способ погребения, могильное устройство, погребальный инвентарь, а также остатки тризн и жертвоприношений. Идеологический блок играет здесь исключительно важную роль. Нередко социальные явления, уже имеющиеся в обществе,

не находят отражения в погребальных обрядах в силу инертности и консервативности идеологии. Например, лишь в отдельных культурных общностях в пору отделения ремесла от земледелия представлены погребения мастеров с их инструментарием, хотя в жизненной практике такая связь, бесспорно, устанавливается в этот период. Богатство информации, содержащейся в погребальном обряде, позволяет при более развернутом рассмотрении говорить о наличии шести информационных блоков (Алексин, 1986).

Так же как при использовании жилищ для социологических заключений предварительным условием является реконструкция соответствующих сооружений, при привлечении для социологической интерпретации данных погребений предварительным условием является детальное восстановление погребального обряда. Далее могут быть использованы различные варианты типологии и классификационных схем, где подбор признаков (размеры погребальных сооружений, количественная оценка инвентаря, его качественная характеристика, учитывающая наличие уникальных объектов) осуществляется с учетом поставленных задач. От постановки задач может зависеть выбор методики исследования могильника в полевых условиях.

При изучении древних погребений и могильников могут быть получены данные как об организации общества, так и об его социальной стратификации. Данный вид археологических источников может содержать информацию о таких исторических общностях людей, как семья, род, племя, большесемейная община, и в известной мере о патрилокальности и матрилокальности брака. Для извлечения соответствующей информации исследуются целые могильники, коллективные гробницы и парные захоронения. Появление кладбища как особой территории, предназначенной для неоднократных захоронений, восходит к мустьерской эпохе (Мугарет эс-Схул в Палестине). Для неолита известны кладбища из 120—180 могил. Палеодемографические расчеты показывают, что такие некрополи принадлежали коллективам, включавшим 40—50 взрослых членов. Весьма ранней, видимо, также палеолитической оказывается и традиция коллективных захоронений. В позднем энеолите Средней Азии появление в конце IV тыс. до н. э. коллективных гробниц совпадает с формиро-

ванием многокомнатных домов как места обитания большесемейных общин. Видимо, в данном конкретном случае коллективные гробницы являются усыпальницами этих общественных подразделений. Большая литература посвящена парным погребениям мужчин и женщин. Детальными исследованиями некрополей степной бронзы (Тасты-Бутак в Западном Казахстане, Кокча 3 в Хорезме) установлено, что эти захоронения являются неодновременными. Они явно свидетельствуют о возрастающей роли малой семьи, утверждающей свою экономическую, а через погребальный обряд и идеологическую самостоятельность.

Весьма обширны разработки вопросов социальной и имущественной дифференциации общества по данным захоронений. Наиболее надежные результаты здесь удастся получить при корреляции нескольких пучков признаков, например, погребального обряда, устройства гробницы и погребального инвентаря. Так, в скотоводческих культурах Закавказья II тыс. до н. э. по этим трем параметрам выделяется несколько социальных групп, причем в гробницах высокого ранга представлена кремация, а в других — ингумация. Показательна типологическая дифференциация нескольких групп даже в рамках гробниц высшего ранга. Это, надо полагать, отражает иерархию в среде аристократии, свойственную архаическим обществам, находящимся на заключительных этапах развития первобытной формации.

Общество этой эпохи представляло собой сложный социальный организм, хотя внутренние противоречия еще не достигли ступени непримиримости, типичной для классовой формации. Характерно постепенное изменение показателей дифференциации в наборе помещаемых в могилы предметов. Первоначально разница проявляется лишь в количественном соотношении однотипных артефактов. С углублением социальной дифференциации налицо качественные различия в составе объектов, появление в гробницах лиц высокого ранга престижных объектов (булавы, скипетры), уникальных и высокохудожественных предметов. Постепенно экстраординарной чертой обрядов, образующих вершину иерархической пирамиды, становятся захоронения, сопровождающие основное погребение, причем нередко с признаками насильственной смерти. Эта тенденция

достигает разнuzданного максимализма в так называемых царских гробницах, будь это могилы в шумерском Уре, китайском Аньяне, в Скифии или Мезоамерике.

Исследование погребений с разнообразным инвентарем открывает большие возможности для типологической систематики, но на объяснительном уровне представляет наибольшую сложность. Термин «царское погребение» нередко употребляется с излишней щедростью. Если говорить об определении понятия в рамках социологической археологии, то «царскими» следует называть погребения лиц, занимающих высшее положение в социальной структуре древнего общества, характеризующиеся наличием богатого инвентаря, массовых человеческих жертвоприношений и монументальных погребальных сооружений с учетом технических традиций различных конкретных обществ. На уровне исторической интерпретации ранг усопшего лица может характеризоваться конкретными терминами, если они установлены для данного общества. Так, в урских гробницах обнаружены печати с титулами «лугаль», который прилагался к правителям со значительной полнотой власти, вероятно, военной. Недавно найденное в Аньяне богатейшее женское погребение Фу Хоа (со всеми тремя компонентами, указанными выше) по прочитанному титулу принадлежит «госпоже», как предполагается, жене правителя, получившей после смерти новое имя.

Весьма сложен вопрос о критериях богатства. Особое значение обычно придается излишеству и характеру металлических изделий, при этом весьма важным считается учет уникальных предметов. На этой основе в конкретных археологических общностях, соответствующих древним обществам, выделяются бедные, стандартные и богатые захоронения (Алекшин, 1986). Уникальные предметы, особенно престижно-знаковой сферы, составляют как раз характерную особенность погребений лиц высокого ранга, условно именуемых в социологической археологии «царскими».

Мощное воздействие физических и математических наук на общество, наблюдавшееся в 50-х — 60-х годах, оказало огромное влияние и на науки гуманитарного профиля, возникла дискуссия о физиках и лириках, вновь пошли разговоры о том, что история — это литература, а не наука, происходили изменения и в самой системе научного мышления. Эти веяния коснулись и археологии, обладающей заметно расширяющимся (к зависти многих других гуманитариев) фондом эмпирического материала. Археологи тоже захотели стать достойными представителями современного точного знания, что проявилось в ряде научных течений и направлений. Выше уже говорилось о попытках ограничить предмет археологии обнаружением, описанием и систематизацией древностей, что вполне достаточно для «точной» науки, тогда как беллетризированные реконструктивные построения относились к особой науке — доистории. Схоластические конструкции этой новой науки не нашли практического применения, оставаясь в основном достоянием историографии, и временные рецидивы такого подхода мало влияют на магистральные пути развития археологии.

Значительно более жизненным и, добавим, результативным явилось мощное течение за формализацию археологического анализа, нашедшее выражение в особом направлении дескриптивной археологии. Был поставлен вопрос и рационализации археологического источниковедения на основе методов и средств информатики. Для описания различных видов археологических источников составлялись аналитические коды, охватывающие различные виды артефактов — от керамики до печатей со сложными иконографическими сценами, широко привлекались методы математической статистики, началось использование ЭВМ. Хорошо известна в этом отношении активная деятельность Центра анализов археологических источников, созданного в 1958 г. в Марселе под руководством Ж. К. Гардена. При этом ставилась задача описания объекта в терми-

нах аналитического кода или, иными словами, на документальном языке, форма которого приспособлена для информационного поиска механическими или электронными средствами (Кавалевская, 1970). В погоне за строгой теорией была предпринята огромная работа английским археологом Д. Кларком, много сделавшим для установления логической процедуры изучения археологических материалов на уровне их организации и систематизации (Clarke, 1968). Меньшее признание получили его попытки обобщающих построений более высокого порядка (Федоров-Давыдов, 1970; Массон, Бочкарев, 1978). Сам по себе объект археологии — артефакты — открывал широкие возможности кодированных описаний и формализованных операций, что в нашей стране для керамики указывалось еще в начале XX в. (Городцов, 1901). М. П. Грязнов в 30-х годах использовал для анализа бронзовых изделий приемы математической статистики (Грязнов, 1983). Широкие разработки в этом направлении осуществили советские археологи в 60-х — начале 70-х годов (Статистико-комбинаторные методы..., 1970; Каменецкий, Маршак, Шер, 1975). Многие из исследователей при этом не избежали своего рода фетишизации формального аспекта познания и преувеличения познавательных функций формальной логики. В работах, переводящих общие положения на язык практики, указывалось, что если установление типа успешно проходило систему формализованных операций, то с выделением следующего уровня систематики — археологической культуры — дело оказалось намного сложнее (Каменецкий, Маршак, Шер, 1975, с. 82). Наряду с серьезной постановкой проблем логики и методики научного познания имело место и чрезмерное увлечение формальными процедурами, нагромождение аналитических и дескриптивных схем, не имеющих реального выхода в новых выводах и заключениях. Вместе с тем несомненно и позитивное воздействие этого направления на методику археологических разработок. Можно сказать, что с использованием методов формального анализа основной метод археологии — типологический — поднялся на новую ступень. Построение различного рода кодов существенно продвинуло проблему создания банка данных, если не для целых культур, то, во всяком случае, для отдельных категорий

артефактов, несущих значительную информационную нагрузку и сравнительно легко поддающихся формализации. Что же касается использования ЭВМ в археологии, то слабая разработанность описательного языка археологии и объем поддающейся формализации информации часто приводили не к новому знанию, а к своего рода модному камуфляжу. Один из зачинателей дескриптивной археологии — Ж. К. Гарден двадцать лет спустя после начала работ марсельского центра с иронической усмешкой цитирует видного исследователя, говорившего, что «погрязнуть в решении на ЭВМ тривиальных вопросов очень легко. Сделать анализ проблемы в целом и толково намного сложнее» (Гарден, 1983, с. 255, прим. 78).

Но почти одновременно началось и иное движение, провозгласившее главной целью археологии реконструкции экономических, социальных и идеологических систем древних обществ. Произошло это в 60-х годах в США с большой помпой, с яростными баталиями в университетских аудиториях, а само направление было названо «новой археологией» (Binford S., Binford L., 1968). Увлеченные сторонники готовы были видеть в нем даже революцию в археологической науке. Это направление, провозгласившее себя реакцией на засыле в традиционной американской археологии взглядов, восходящих к так называемой культурной антропологии, в своих идейных истоках пересекается с установками молодой марксистской археологии начала 30-х годов, отстаивавшимися с неменьшим пылом, чем полемически заостренные первые выступления Бинфорда и его группы. Сам Л. Бинфорд является учеником известного прогрессивного исследователя Лесли Уайта, испытавшего заметное воздействие теоретических разработок советской науки. Не случайно один из талантливых американских археологов, с увлечением прошедший школу «новой археологии», — К. Фланнери, рассматривая, например, проблемы древних цивилизаций, прямо связывает этот феномен, как и марксистские исследователи, с существованием такой социально-политической формы, как государство. Но процедурные схемы сторонников «новой археологии» отвечали духу времени — они подняли на щит как главный прием исследования гипотезо-дедуктивный метод, широко использовали методику системного анализа и мо-

делирования. Активное стремление к историческим реконструкциям, к изучению общих культурных и исторических закономерностей также положительно воздействовало на мировую археологию, особенно в условиях повсеместного прессинга дескриптивного направления, которое было не в силах результативно выйти на этот уровень исследования.

К числу недостатков этого течения можно отнести известный налет технологического, а еще более экологического детерминизма и, пожалуй, самое главное — рассмотрение как равнодействующих величин в структуре древних обществ всех выделяемых ими «подсистем» — от народонаселения до торговли — без выделения формообразующих факторов, определяющих лицо всей системы в целом. Правда, это обычный недостаток построений, стремящихся быть последовательно структуралистскими в ущерб содержательному анализу.

В 70-х и начале 80-х годов многие из этих направлений трансформировались и на смену первоначальной увлеченности пришло стремление более основательно и всесторонне рассматривать историко-культурные процессы, находящие отражение в материалах археологии. В определенной мере это связано с общими изменениями в интеллектуальной ситуации наших дней. Как отмечают исследователи современной западной философии, там прошел радикалистский угар реформаторства и было установлено, что неопозитивистский анализ научного знания оказался неадекватным (Юлина, 1983, с. 13—14). Моделью и эталоном науки будущего все более признается не физика или математика, а экология с ее разносторонним подходом к целому как к сложному взаимодействию различных эквilibрирующих систем.

Остановимся на некоторых течениях современной западной археологии (в той мере, в какой советские исследователи могли ближе познакомиться с ними в ходе осуществления двусторонних программ и международных симпозиумов). Это прежде всего французская школа так называемой теоретической археологии, практически возглавляемая Ж. К. Гарденсом (Гарден, 1983; Galley, 1986). Книга Ж. К. Гардена, вышедшая уже на трех языках — французском, английском и русском, отличается широтой взглядов, автор отнюдь не склонен

считать все сказанное им истиной в последней инстанции и нередко с мягким юмором посмеивается над былой прямолинейностью своих собственных позиций. Главной целью его разработок является совершенствование логической структуры научных рассуждений археологов, совершенствование применяемого логико-семантического аппарата. Он справедливо указывает, что сюжетность и стилевое разнообразие археологических публикаций делает их трудноиспользуемыми для строгого анализа и они во многом напоминают тот весьма распространенный в гуманитарных науках жанр, который один из исследователей назвал «милой болтовней». Свою задачу Ж. К. Гарден видит в том, чтобы выразить рассуждения, лежащие в основе археологических построений, в форме последовательности определенных операций. Практически им разрабатывается преимущественно верхний блок археологического исследования — интерпретация, которую он рассматривает как переход от формальных результатов к содержательным, объясняющим высказываниям. Предлагаемая им система многоступенчата, логически продуманна, снабжена понятийной сеткой, в основном новой для читателей-археологов. Но так же, как и сама схема анализа, она создана последовательно, логично и продуманно. Как пишет Ж. К. Гарден, логико-семантические операции (ЛСО), предлагаемые в виде многоступенчатых и взаимосвязанных схем, играют роль инструментария в процедуре интерпретации. Свой подход автор называет логистическим анализом и определяет его как «рассуждения, лежащие в основе археологических построений в форме последовательности четко определенных операций» (Гарден, 1983, с. 268).

Этот подход полностью принимает, старается развить и конкретизировать А. Гале (Galley, 1968). Важнейшей задачей археологии он считает устансвление внутреннего порядка, под которым понимается продуманная понятийная сетка с упорядоченными отношениями между основными категориями понятийного аппарата. Как и Ж. К. Гарден, он говорит о четырех стадиях анализа материала, восходящего к древней общности (популяции). Это живая культура, или исходная популяция (Π_0); сохранившиеся останки, или наблюдаемая популяция (Π_1); извлеченные археологические останки, или наблюденная популяция (Π_2) и, наконец,

изученные археологические останки, или изученная популяция (П₃). При переходе с каждой стадии на последующую происходит определенная потеря информации. На объяснительном уровне А. Гале склонен придавать большое значение этноархеологии, которая первоначально американскими исследователями понималась как использование современных или близких к современным материалов (курдское поселение с его социальной структурой и т. п.) в качестве модели для археологических реконструкций. Теперь в среде французских исследователей этноархеология приобретает более широкое значение всего интерпретационного блока в археологии, использующего, в частности, и этнографические модели. В советской литературе уже отмечались некоторые слабые стороны теоретической археологии Гардена (Ковалевская, 1983; Трифонов, 1983). Едва ли следует возлагать столь большие надежды на одни только приемы, восходящие к разработкам логического позитивизма. Вероятно, считая, что его работы марсельского периода подвели итог описательному этапу археологического познания, Ж. К. Гарден лишь мимоходом касается важнейшего археологического понятия «тип артефактов», который практически неизменно, хотя и в разных аспектах, должен присутствовать на большинстве ступеней процедуры научного исследования в археологии. Он признает, что видит практические ограничения предлагаемых нововведений. Действительно, при всей внешней стройности схема весьма громоздка, и когда ограниченный археологический материал пропускается последовательно через все операции, в итоге получается хотя и строго выдержанный по логике построения, но достаточно банальный вывод. Тем не менее само направление таких разработок весьма важно и столь же необходимо для развития археологии и, добавим, результативного и разумного использования ЭВМ, как и дескриптивная организация самого массового археологического материала.

Из других современных направлений значительный интерес представляет социальная археология, разрабатываемая английским археологом К. Ренфрю и его последователями. Первоначально пламенный сторонник «новой археологии», заявлявший, что теперь-де надо переписать все учебники археологии, К. Ренфрю сам ведет большие практические исследования, постепенно

конституирующиеся в особое направление, подытоженное в его последней книге (Renfrew, 1984). Исследования К. Ренфрю о становлении цивилизации в эгейском мире (1972) и о неолитической Европе (1973) помимо новых подходов основаны на большом фактическом материале, чего так нехватает многим авторам, декларирующим свое теоретическое новаторство.

Задачей социальной археологии К. Ренфрю считает реконструкцию социальных систем и социальных отношений древних обществ и всячески выступает против неоправданного скепсиса в отношении соответствующих возможностей археологии. При этом он придает особое значение изучению самого культурного процесса, в котором нашли выражение социальные явления. Одновременно он критически относится к слишком ужесточенному подходу, к декларации общих закономерностей, полагая, что в таком случае приходится формулировать гипотезу в слишком общей форме, недостаточной для эффективной проверки самой гипотезы. К. Ренфрю активно призывает к более детальному рассмотрению жизнедеятельности древних людей, обуславливающей изменчивость артефактов при различных условиях. В его работах заметное место уделено процессам длительного роста и фактору стабильности древних обществ, а для разрывов культурной непрерывности (как бы мы сказали, воспользовавшись терминологией марксистской диалектики, — для перерыва постепенности) он использует теорию катастроф. Широкое признание получили разработки К. Ренфрю по проблеме мегалитов Европы. После того, считает он, как радиоуглеродный анализ показал независимое возникновение во внеегипетской Европе целого ряда явлений, их объяснение должно лежать в рамках возможностей местных обществ (мутационные инновации — по терминологии, предложенной выше). Концентрация власти, имевшая место в определенных случаях на догосударственном уровне, когда существовали структуры, именуемые чифдом или вождеством, позволяла путем простой кооперации возводить монументальные постройки. Добавим, что исследования советских историков и этнографов показали, что концентрация власти и созданные подобия государственного организма при неразвитости классовой структуры оказываются недолговечными и легко исчезают, как это, видимо, имело место

(возможно, даже неоднократно) в долатенской Европе.

Интересным исследованиям К. Ренфрю, так же как и теоретической археологии Ж. К. Гардена, недостает широкого использования массовых материалов, обработанных типологическим методом. Например, когда для доминоской эпохи устанавливается связь мужских погребений с определенными видами оружия (свободные вооруженные общинники), типология бронзового оружия и корреляция с типами погребений только подкрепила бы заключения исследователя. Как и в других случаях применения структурного подхода, не корректируемого содержательным анализом, в подсистемах, на которые К. Ренфрю делит минойское общество, затушевываются определяющие, формообразующие структуры. Но в целом тематически и по направленности работы этой школы во многом перекликаются с традиционной тематикой советской археологии, не случайно этот блок археологических разработок даже предложено именовать одновременно сходными терминами: у К. Ренфрю — это «социальная археология», у В. М. Массона — «социологическая».

Кроме того, необходимо остановиться на интерпретационных разработках археологов США, которые можно было бы определить как социокультурные и с которыми советские исследователи неоднократно сталкивались в процессе советско-американского сотрудничества, когда было проведено три двусторонних симпозиума (1981 г. — Бостон, 1983 г. — Самарканд, 1986 г. — Вашингтон). Хотя группа Бинфорда и не пользуется сейчас популярностью в университетских центрах США, ее деятельность (особенно использование современных научных процедур, включая системный подход) не прошла бесследно для многих американских исследователей. Для социокультурного подхода характерно выдвижение широкомасштабных общих положений на уровне макроизменений, хотя нередко без развернутой аргументации, что иногда камуфлируется применением (порой поспешным и отнюдь не необходимым) счетно-вычислительной техники. Как отметил В. С. Бочкарев при проведении в 1983 г. круглого стола с участием американских и советских археологов, налицо разные стили исследования — американские ученые большое внимание уделяют выдвижению идеи как таковой, а в советской археологии огромное значение

придается аргументацией выдвинутых идей (Алекшин, Буряков, 1986, с. 230).

В качестве примера можно назвать доклад Г. Джонсона на самаркандском симпозиуме 1983 г. «Соотношение между размерами общества и системой принятия решений (приложение к экологии и археологии)» (Джонсон, 1983). Данные, проанализированные и распределенным образом квантифицированные на материалах этнографии, здесь вполне убедительны, хотя и касаются сравнительно низко организованных обществ, в том числе кочевников и их стойбищ. Археологические же материалы представлены для древней Месопотамии и Сузианы системами расселения и сведениями о занимаемой памятниками площади, часто в несколько десятков гектаров. Сами по себе эти материалы выразительны и могут быть привлечены, например, для реконструкции общественной структуры, системы расселения при данном способе жизнедеятельности и т. п. Однако каким образом на основании одной площади поселков, к тому же не раскопанных, можно перейти к реконструкции общественной единицы, достаточной для принятия решений, остается неясным. Если использовать ступени потери информации по названной выше системе А. Гале, то на последнем уровне эта информация (по данному вопросу), скорее всего, будет нулевой. Вместе с тем широтой постановки больших проблем американский подход стыкуется с некоторыми разработками советских ученых.

Это показывает, что археологическая наука активно движется не только по линии накопления материалов первоклассной информационной значимости, но и ищет лучшие пути их объяснения и использования как исторического источника. Масштабы таких поисков все расширяются. Выход их на тематику изучения закономерностей как общеисторического характера, так и на конкретно-историческом срезе объективно выводит на продуктивность разработок, осуществляемых на основе учения исторического материализма. Недаром в западной археологии появилась группа ученых, образующих направление, названное ими «марксистской археологией» (Spriggs, 1984). Здесь, правда, налицо и несколько механистический подход, и прямолинейный экономический детерминизм, но сам факт конституализации такой группы достаточно симптомати-

чен, отражая общую тенденцию, отмечаемую в западной философии.

Сегодня меняется сам статус археологии в обществе. В значительной мере это связано с тем, что в современную эпоху возрастают политико-воспитательная и мировоззренческая функции исторических наук. Налицо усиливающийся интерес самых широких кругов населения к вопросам прошлого, проблемам культурного наследия и ко всему комплексу явлений «ретро». Этот интерес — закономерное проявление возросшего культурного и интеллектуального уровня человека эпохи научно-технической революции, все более осознающего себя в системе всего человеческого общества, в его пространственных и временных измерениях. Известно, что в большинстве национальных культур разумное отношение к коллективной памяти стало устойчивой культурной традицией, находящей выражение, в частности, в эпосах, преданиях, легендарных циклах. Общественное сознание в своих глубинных сущностных основаниях обычно исторично. Вместе с тем следует иметь в виду, что плохо и предвзято понятая история — потенциально опасная вещь. Советские ученые исходят из того, что прошлое — это прежде всего предмет социально-исторического размышления, а не повод для любования, умиления и самодовольства, что история должна освещаться равномерно, объективно, без нарочитой концентрации либо черной, либо белой краски. Эта ситуация повышает общественно-политическую ответственность историков всех направлений, заставляет с особым вниманием относиться к методологическим и теоретическим позициям, с которых ведется освещение прошлого, искать формы и пути использования изучаемого наследия в практике современного культурного строительства.

Многие эмпирически сложившиеся формы археологической деятельности советских ученых структурно связаны со специфическими особенностями социалистического общественного строя, хотя нередко и не воспринимаются в этом аспекте. Это прежде всего такая специфическая функция советской археологии, как работы на новостройках страны, получившая в послевоенные годы особенно широкое распространение (Краснов, 1980). Правовой основой проведения таких работ являются положения Конституции СССР об исключи-

тельной государственной собственности на землю и соответственно об обязательстве государства проводить меры по охране и эффективному использованию земли и ее недр. В отношении памятников культуры эту функцию осуществляет советская археология как составная часть науки социалистического государства (Массон, 1983). В условиях интенсивной народнохозяйственной деятельности нередки ситуации, когда памятникам культуры и прежде всего археологическим создается непосредственная угроза. В таких случаях законодательство предусматривает обязательное изучение этих памятников специалистами, передачу в музеи обнаруженных материалов и в отдельных случаях даже перенос на новое место особо ценных памятников, и все это за счет средств организации, проводящей строительство.

Практика таких исследований и государственное законодательство, обеспечивающее юридическую базу этих работ, неизменно совершенствовались на протяжении развития советской археологии. Еще в 1923 г. в Самарканде в связи с городским строительством изучались культурные слои этого древнейшего центра Средней Азии (М. Массон, 1926). В 1929 г. была организована первая крупная экспедиция такого типа, работавшая в зоне проектируемого строительства Волго-Донского канала. Археологический надзор осуществлялся за строительством Днепрогэса и Московского метрополитена. Государственное значение работы археологов на новостройках приобрели с принятием постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 февраля 1934 г. «Об охране археологических памятников». Оно предусматривало обязательное научное исследование археологических памятников, подвергавшихся в случае крайней хозяйственной необходимости разрушению. В 30-е годы археологи широко развернули работы в зонах основных государственных строек — от Беломоро-Балтийского канала до Ферганской долины в Средней Азии.

В настоящее время юридическая основа археологической службы в зоне новостроек закреплена в Законе «Об охране и использовании памятников истории и культуры», принятом Верховным Советом СССР 29 октября 1976 г. Согласно этому Закону проекты строительных, мелиоративных и других работ должны согласовываться с государственными органами охраны памят-

ников, необходимые мероприятия по изучению памятников определяются при составлении технико-экономических обоснований соответствующих народнохозяйственных работ и стоимость их закладывается в смету данного строительства. Для проведения таких работ в археологических учреждениях создаются специальные секторы и лаборатории. В результате полевая деятельность академических учреждений входит составной частью в хозяйственный цикл, в связи с чем стали предъявляться особые требования к организации работ и срокам их исполнения. Наряду с данной стороной дела территориальная концентрация полевых исследований, ведущихся, как правило, с большим размахом в зоне строительства крупных объектов, позволяет резко увеличить информационный банк, создавая задел для осуществляемых и планируемых фундаментальных исследований. Эта взаимная связь народнохозяйственной практики и научных разработок представляет собой характерную черту новой функции советской археологии — исследований на новостройках страны. В результате в цикле фундаментальные исследования → прикладные исследования → практика происходит движение по обратной цепочке. В этом проявляется одна из особенностей современной науки, для которой производство есть широчайшая экспериментальная база.

В качестве примера высокой результативности подобных работ можно назвать исследования в зоне строительства Красноярской ГЭС, проводившиеся в течение многих лет экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством М. П. Грязнова. По существу они обеспечили количественный и качественный скачок в изучении древней истории этой области, были открыты новые культуры эпохи палеолита, замечательные памятники окуневской культуры поры палеометалла, получены огромные материалы по эпохе ранних кочевников.

Можно отметить также, что широко развернувшиеся исследования в зонах мелиорации позволяют ставить вопросы динамики природопользования, осуществлять на массовых конкретных материалах палеоэкономические и палеодемографические реконструкции. Огромный земельный фонд, осваиваемый современной мелиорацией, в древности использовался обществом в условиях функционирования различных культурно-хозяйственных типов и низкого уровня развития про-

изводительных сил и производственного потенциала в целом. Например, в степной зоне евразийской части СССР современная степень научно-технической вооруженности позволяет вовлечь в земледельческий оборот обширные пространства, которые в каменном веке были заняты разрозненными общинами охотников и рыболовов, а в эпоху палеометалла широко осваивались преимущественно скотоводческим населением, оставившим так называемые культуры степной бронзы. Именно погребальные памятники этих культур изучаются в первую очередь экспедициями археологов от Молдавии до Волги, где благодаря работам по новостроечным программам раскопаны тысячи курганов. Как показывают наблюдения украинских археологов, плотность населения в Нижнем Понепровье достигла своего максимума во второй половине II тыс. до н. э. Многолетние работы ленинградских археологов в Красноярском крае, в частности в Хакасии, показали, что в азиатской части СССР демографический оптимум в зоне степей приходится на периоды ранних и поздних кочевников.

В зонах мелиорации в Средней Азии и на юге Казахстана исторические реконструкции, осуществляемые на материалах археологии, сами имеют прямой выход в народнохозяйственную практику. Здесь во многих случаях в хозяйственный оборот вовлекаются земли так называемого древнего орошения, некогда уже использовавшиеся в сельском хозяйстве. В таких случаях особенно важно комплексное изучение археологических памятников, направленное не только на собственно охраняемые раскопки, но и на всестороннее исследование природных условий и способов орошения с тем, чтобы реконструировать древние системы землепользования и установить причины их упадка. Не секрет, что нарушение агротехники и последующее засоление орошаемых земель является бичом и в наши дни. Рекомендации археологов при повторном освоении угодий имеют и прямое практическое значение. Ценный опыт в этом отношении накоплен Хорезмской археологической экспедицией (Земли древнего орошения..., 1969).

При осуществлении программы культурного строительства в СССР всегда считалось, что исторические знания играют огромную роль в утверждении в обществе высокой культуры. Памятники культуры исполь-

зуются для формирования художественно-эстетических взглядов, для ориентированного идеологического воспитания, для развития чувства патриотизма, для воспитания интернационального подхода к пониманию процесса мировой культуры как сложного потока взаимодействия и взаимовлияния культур разных народов. Однако использованию мировоззренческой, политико-воспитательной функции общественных наук нанесен немалый вред шаблонными трафаретами и унылыми описаниями. Как раз археология располагает огромными возможностями показа реального процесса на конкретных, вещественных материалах, убедительно стражающих и экономическую доминанту, и классовую дифференциацию, нашедшую выражение в образе жизни, и формационные изменения.

Исключительно важны археологические материалы для правильной трактовки вопросов культурного наследия, где имеют место явные, а порой и нарочитые передержки, потенциально несущие возможность возникновения конфликтных ситуаций. Как отмечал М. С. Горбачев в докладе на XXVII съезде КПСС, необходимы «особая чуткость и осмотрительность во всем, что касается национальной политики, затрагивает интересы каждой нации и народности, национальные чувства людей, и в то же время — принципиальная борьба против проявлений национальной ограниченности и кичливости, против национализма и шовинизма, в такие бы одежды они не рядились» (Горбачев, 1986, с. 54).

Слабость методологических позиций, примитивный, а порой и прямо ненаучный подход к проблемам исторических реконструкций по материалам археологии является во многих случаях исходным моментом ошибок и передержек, имеющих в этой области, если только они не являются результатом сознательного искажения и подтасовки. Прежде всего необходим учет информационных возможностей археологических материалов, выход которых на прямолинейное решение вопросов этногенеза весьма ограничен, как об этом уже говорилось выше.

Следует иметь в виду также три важных аспекта, прямо вытекающих из методологических установок советской исторической науки. Таково прежде всего базовое положение об этно-социальных организмах как

исторически изменяющихся общностях. Эпохальные, формационные изменения прямым образом касаются и этно-социальных организмов и не может быть этноса, который как некий мистический абсолют проходит сквозь все эпохи и формации. Эталоны, моды, образы жизни различных эпох неизменно накладывали свой отпечаток и на этнические формопроявления. Скажем, армянский этнос рабовладельческой эпохи в этом отношении как этно-социальный организм отличен от армянского этноса средневековой эпохи, не говоря уже об армянской буржуазной или современной социалистической нации. В Средней Азии в эпоху развития рабовладельческих отношений этническая ситуация отличалась и самими этнонимами. Тогда не было ни таджиков, ни узбеков, ни туркмен, а были бактрийская, согдийская, парфянская и, возможно, сакская народности — прямые предки современных народов среднеазиатско-казахстанского региона. Вторым важным аспектом — это творческое использование известного тезиса В. И. Ленина о двух культурах в народной культуре. Советские исследователи неоднократно обращались к этому положению, развивая и конкретизируя его. Так, Б. А. Рыбаков указал на наличие в культуре Киевской Руси княжеско-дружинной культуры, которой были свойственны в первую очередь стремление к представительности и репрезентативности (Рыбаков, 1970). Можно восхищаться великолепными достижениями народного гения, нашедшими воплощение в шедеврах древних и средневековых цивилизаций. Но необходимо прямо говорить и о том, что эти достижения лежали в основном в рамках элитарной субкультуры, выходили на материальную сферу образа жизни, усвоенного правящим классом, при бесправии и нищете основных масс непосредственных производителей. Так, древнейшая цивилизация Средней Азии, относящаяся к бронзовому веку, — Алтын-Депе — сохранила выразительные памятники монументальной архитектуры и искусства, включая золотые головы животных, но средний возраст самих создателей этой цивилизации едва достигал 30 лет. Наконец, следует не только иметь в виду, но и постоянно подчеркивать, демонстрировать на конкретных примерах, в изобилии доставляемых археологией, важность процесса взаимовлияния и взаимообогащения. Именно на скрещении этих направляющих мы видим

наивысшие достижения древних цивилизаций, тогда как даже высокоразвитые центры в условиях культурной изоляции, как правило, бесплодно исчезают, не дав живительной поросли культурного наследия. Нужно в полной мере использовать мировоззренческое звучание этого феномена.

Изучение археологических памятников тесно связано с их охраной и использованием в практике современного культурного строительства. По существу стратегия исследования этих памятников должна представлять собой триединую цепочку: сохранить — изучить — использовать. В этих вопросах советская археологическая наука играет важную роль, хотя функция охраны осуществляется преимущественно органами, входящими в состав Министерства культуры СССР и министерств культуры союзных республик. Перспективной организационной формой сочетания функций изучения, охраны и использования являются археологические заповедники, представляющие собой музей под открытым небом. Как правило, они создаются на базе широко раскопанных и хорошо изученных памятников, где и по сей день продолжаются археологические изыскания. Правительственным решением территория такого заповедника вычленяется из системы сельскохозяйственного и иного землепользования и передается органам министерства культуры, реже — республиканским академиям. Этим закладываются возможности надежной охраны памятников от повреждений. Специализированные органы министерств культуры, которыми являются конторы и институты реставрации, осуществляют в зависимости от поставленных задач консервацию или реставрацию. Продолжающиеся археологические исследования памятников позволяют продемонстрировать экскурсантам и туристам работу археологов, открывающих объекты, которые затем консервируются. В СССР уже существует несколько десятков историко-археологических или прямо археологических заповедников, иногда входящих в более крупные объединения. Сложной научно-методической проблемой являются способы консервации строительных остатков и обоснованные пределы реконструкции. Эти пределы органы, ведущие реставрационные работы, стараются оптимизировать, тогда как научная общественность резко восстает против подобных «новоделов».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимость все большего обращения к проблемам методологического и теоретического характера в археологии — насущная задача наших дней. Советская археология, пройдя долгий путь развития, вступает в восьмое десятилетия существования нашей страны с выдающимися достижениями, получившими заслуженное международное признание, с ясностью перспектив. Но не менее ответственны задачи интенсификации поиска, выхода на мировые рубежи, деловой-перестройки, которые являются насущными требованиями сегодняшнего дня. Как отмечает М. С. Горбачев, «эпоха научно-технической революции связана для общества социализма с совершенствованием общественных отношений, перестройкой мышления, утверждения динамизма как образа жизни, нормы бытия» (Горбачев, 1986, с. 10).

Приступая к решению новых задач, следует отдавать себе отчет в том, что негативные явления возникли и в самой археологической науке, где они в первую очередь связаны с процессом дифференциации знаний. Естественный и объективный сам по себе, этот процесс, если он должным образом не координируется, ведет к ослаблению теоретических разработок, к региональной самоизоляции, к отрыву от мировых стандартов, к простому накоплению материалов, которое может перерасти в краеведческую археологию. Задача Академии наук СССР, академий наук союзных республик — должным образом направлять и совершенствовать развитие археологической науки.

Первый и важнейший аспект этой стратегии — развитие методологических и теоретических разработок, поскольку именно с дифференциацией знаний возрастает интегрирующая функция исторического материализма. Здесь первостепенное значение имеет использование методологических принципов исторического и диалектического материализма, адекватное употребление категориального аппарата. Особенно важна высокая методологическая культура исследования, не имеющая ничего общего ни с повторением некоей «обоймы цитат», ни с якобы новаторским терминосочинительством. Необходимо творческое соединение достижений

марксистско-ленинской философии сегодняшнего дня и современных процедур научного анализа как прикладного метода в научном познании. Высокие традиции советской археологической науки, накопленный ею опыт, надежный кадровый потенциал являются залогом успешного решения задач, стоящих перед советскими обществоведами и перед археологами в частности.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамян Э. Г. Инновация и стереотипизация в процессах развития этнической культуры // Методологические проблемы исследования этнических культур: Материалы симпозиума — Ереван, 1978.

Алексин В. А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. — Л., 1986.

Алексин В. А., Буряков Ю. Ф. Хроника // Древние цивилизации Востока. — Ташкент, 1986.

Арутюнов С. А. Механизмы усвоения нововведений в этнических культурах // Методологические проблемы исследования этнических культур: Материалы симпозиума. — Ереван, 1978.

Арутюнов С. А. Этнографическая наука и изучение культурной динамики // Исследования по общей этнографии. — М., 1979.

Арутюнов С. А. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. — М., 1985.

Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. — Фрунзе, 1941.

Бернштам А. Н. Основные этапы истории и культуры Семиречья и Тянь-Шаня // Сов. археология. 1949. № 11.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. № 26. — М.; Л., 1952.

Бернштам Б. М. Выражение этнической специфики в художественной культуре // Методологические проблемы исследования этнических культур: Материалы симпозиума. — Ереван, 1978.

Бибиков С. М. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеометалла // СА. 1969. № 4.

Бочкарев В. С. Металлические изделия эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья: Автореф. дис... канд. историч. наук. — Л., 1973.

Бочкарев В. С. К вопросу о системе основных археологических понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. — Л., 1975.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. — М., 1973.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. — М., 1983.

Буряков Ю. Ф. К динамике становления и развития городской жизни Ташкентского оазиса // Древние цивилизации Востока. — Ташкент, 1986.

Викторова В. Д. Археологический факт // Вопросы археологии Урала. Вып. 13. — Свердловск, 1975.

Гаджиев М. Г. Некоторые особенности культурного прогресса по материалам Северного Кавказа // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. — Ереван, 1982.

Гарден Ж. К. Теоретическая археология. — М., 1983.

Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии. — Киев, 1982.

Генинг В. Ф. Предмет и объект науки в археологии. Киев 1983 г.

Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза // Материалы XXVII съезда КПСС. — М., 1986.

- Городцов В. А.* Русская доисторическая керамика // Тр. XI археологического съезда в Киеве. Т. I. — М., 1901.
- Грязнов М. Б.* Графический метод вычисления нормальной кривой вариационного ряда // Антропологический журнал. 1933. № 1—2.
- Давидович В. Е., Ждзлов Ю. А.* Сущность культуры. — Ростов, 1979.
- Джонсон Г. А.* Соотношение между размерами общества и системой принятия решений // Древние цивилизации Востока. — Ташкент, 1986.
- Древние города: Материалы к Всесоюзной конференции. — М., 1977.
- Древний город Средней Азии: Тез. докл. — Л., 1973.
- Домашние промыслы и ремесло: Тез. расширенного заседания. — Л., 1970.
- Заднепровский Ю. А.* Десятилетие Научного совета по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана // Народы Средней Азии и Казахстана. 1979. № 1.
- Захарук Ю. Н.* Методологические проблемы археологической науки: Автореф. дис... док. историч. наук. — М., 1981.
- Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования. — М., 1969.
- Злобин М. С.* Культура и общественный прогресс. — М., 1983.
- Каменецкий И. С.* Археологическая культура — её определения и интерпретация // СА. 1970. № 2.
- Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). — М., 1975.
- Ким М. В.* Великий Октябрь и культурная революция в СССР. — М., 1967.
- Клейн А. С.* Археологические источники. — Л., 1978.
- Ковалевская В. Б. J. C. Gardin.* Une archéologie théorique: Реп. // СА. 1983. № 3.
- Ковалевская В. Б.* Центр анализа археологических источников во Франции // Статистико-комбинаторные методы в археологии. — М., 1970.
- Колчин Б. А.* Интеграция наук и археология // Ленинские идеи в изучении первобытного общества рабовладения и феодализма. — М., 1970.
- Коробкова Г. Ф.* Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии // СА. 1975. № 3.
- Коробкова Г. Ф.* Экспериментальный анализ и его место в методике и теории археологии // КСИА. Вып. 152. 1973.
- Краснов Ю. А.* Археологическая служба Института археологии АН СССР на новостройках // КСИА. Вып. 169. 1980.
- Культура жизнеобеспечения и этнос. — Ереван, 1983.
- Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. — Ереван, 1982.
- Культурный прогресс: философские проблемы. — М., 1984.
- Маркарян Э. С.* Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход // Системные исследования. — М., 1981.
- Маркарян Э. С.* Теория культуры и современная наука. — М., 1980.
- Марков Г. Е.* Структура и исторические типы образа жизни // Этнографические исследования развития культуры. — М., 1985.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса. — М., 1983.

Масимов И. С. Типологический и пространственный анализ древних поселений // Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ: Тезисы. — Ашхабад, 1980.

Массон В. М. Развитие теоретических основ советской археологии / Теоретические основы советской археологии: Тез. докл. — Л., 1969.

Массон В. М. Экономические предпосылки сложения раннесакского общества // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. — М., 1970.

Массон В. М. Археология за бортом гуманитарии // Тезисы докл. на сессии посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. — Ташкент, 1973.

Массон В. М. Adams R. Mc., Nissen H. Uruk country side. Рец. // ВДП. 1974. № 3.

Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. — Л., 1976.

Массон В. М. Кушанские поселения и кушанская археология // Бактрийские древности. — Л., 1976 а.

Массон В. М. Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4. — Л., 1979.

Массон В. М. Динамика развития трипольского общества в свете палеодемографических оценок // Первобытная археология: поиски и находки. — Киев, 1980.

Массон В. М. Алтын-депе. — Л., 1981.

Массон В. М. Археологические работы на новостройках и изучение древних культур // Древние культуры евразийских степей. — Л., 1983.

Массон В. М. Эпоха первых цивилизаций // ВИ. 1986. № 3.

Массон В. М. Всемирный археологический конгресс // ВИ. 1987. № 10.

Массон В. М. Вивчення культурного процесу за археологічними матеріалами // Археологія, 1987 а. № 57.

Массон В. М., Бочкарев В. С. К характеристике теоретических разработок зарубежной археологии // КСИА. Вып. 152. 1978.

Массон М. Е. Несколько археологических данных к исторической топографии Самарканда в связи с проведением узкоколейной городской железной дороги // Изв. Средазкомстарисса. Вып. 1. 1926.

Матюхин А. Е. О проблемах становления человека и общества // СА. 1985. № 3.

Меженцев В. М. Культура и история. — М., 1977.

Методологические проблемы исследования этнических культур: Материалы симпозиума. — Ереван, 1978.

Методологические и философские проблемы истории. — Новосибирск, 1933.

Новые методы археологических исследований. — Киев, 1982.

Пряхин А. Д. История советской археологии. — Воронеж, 1986.

Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений: Тезисы симпозиума. — Л., 1974.

Рыбаков Б. А. О двух культурах русского феодализма // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. — М., 1970.

Рыбаков Б. А. Историзм археологии // КСИА. Вып. 152. — М., 1978.

Семенов С. А. Первобытная техника. — М., 1958.

Средневековые города Средней Азии и Казахстана: Тезисы совещания. — Л., 1970.

Статистико-комбинаторные методы в археологии. — М., 1970.

Теория и методы археологических исследований. — Киев, 1982.

Традиции и инновации в развитии древних культур. — Л., 1981.

Грифонов В. А. J. C. Bardin. *Archaeologica' constucts*: Рец. // СА. 1983. № 3.

Федоров-Давыдов Т. А. Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвида Кларка // СА. 1970. № 3.

Энеолит СССР: Рец. / В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. — М., 1982.

Юлина Н. С. О буржуазной философии 60—70-х годов // Проблемы и противоречия буржуазной философии 60—70-х годов. — М., 1983.

Adams R. Mc. Land behind Baghdad. A history of settlements on Diala plains. — Chicago; London, 1972.

Binford S., Binford L. New perspectives in archaeology. — Chicago, 1968.

Bordes F. Typologie du paleolithique ancien et moyen. — Bordeaux, 1961.

Clarke D. A. Analytical archaeology. — London, 1968.

Galley A. L'archeologie demain. — Paris, 1986.

Renfrew S. Approaches to social archaeology. — Edinburgh, 1984.

Rouse J. Introduction to prehistory. — New York, 1972.

Sharer R. J., Ashmore W. Fundamentals of archaeology. — Benjamin Publ. Inc., 1980.

Spriggs M. (ed.) Marxist perspectives in archaeology. — Cambridge, 1984.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	3
1. <i>Предмет и объект археологии и вопросы процедуры археологических исследований.</i>	5
Археология и «донстория». Развитие теоретических основ советской археологии. Информационные возможности археологии. Описание, объяснение и реконструкции. Археологическая интерпретация и исторические реконструкции. Археология и естественные науки. Понятие археологической науки. Выделение локальных вариантов.	
2. <i>Культурологическая интерпретация археологических материалов</i>	24
Понятие культуры в культурологии. Подсистемы культуры. Эпохальный, региональный и локальный тип культуры. Спонтанная и стимулированная трансформация. Культурная интеграция. Традиции и инновации. Образ жизни, Культурный прогресс. Культурная революция в эпоху первых цивилизаций.	
3. <i>Социологическая интерпретация археологических материалов</i>	54
Социологическая археология и этнографические модели. Реконструкция систем получения продуктов питания. Домашние промыслы и ремесло. Обмен и торговля. Палеодемография и палеоэкономика. Социологическая интерпретация жилищ и поселений. Погребальный обряд и социологические реконструкции.	
4. <i>Археология наших дней — некоторые тенденции развития и общественное звучание.</i>	72
Формализация и дескриптивная археология. «Новая археология» в США. Французская школа теоретической археологии. Английская школа социальной археологии. Социокультурные реконструкции в американской археологии. Археология в современном обществе. Работы на новостройках. Мировоззренческая функция исторических наук. Культурное наследие в идеологической политике. Охрана и пропаганда культурного наследия.	
Заключение	88
Литература	90

Вадим Михайлович Массон

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

Редактор издательства *Песковая Т. К.*
Обложка художника *Роека В. Ф.*
Технический редактор *Хусаинова Р. Р.*
Корректор

Сдано в набор 1.08.89. Подписано к печати 21.02.90.
Д—00603. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага тип № 2.
Высокая печать. Школьная гарнитура.
Объем 4,92 усл. п. л. + вкл. 1,025 усл. п. л.,
5,17 уч.-изд. л. + вкл. 0,75 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз.
Заказ 257. Цена 64 коп.

Издательство «Илим»,
720071, Фрунзе, Ленинский проспект, 265 а.

Типография Академии наук Киргизской ССР,
720001, Фрунзе, ул. Пушкина, 144.

6 =

64 коп.

050

